

Дом сна

Автор:

Джонатан Коу

Дом сна

Джонатан Коу

«Дом сна» – ироничный и виртуозно написанный роман о любви, одиночестве, утрате и безумии.

У героев Коу запутанные отношения со сном – они спят слишком мало, слишком много, не спят вовсе, видят странные сны, не видят снов никогда... Двенадцать лет назад нарколептика Сара, кинофанат Терри, маниакальный Грегори и романтик Роберт жили в мрачном особняке Эшдаун, где теперь располагается клиника по лечению нарушений сна. Жизнь разбросала их в разные стороны, но они по-прежнему связаны прочными нитями бессонницы и снов. После ряда странных и поразительных событий, чрезвычайно напоминающих запутанное сновидение, все четверо снова оказываются в Эшдауне и запускают пружину сюжета, который продуман с такой тщательностью, что большинство современных романов выглядят в сравнении с «Домом сна» зарисовками начинающих импрессионистов.

Джонатан Коу – замечательный рассказчик, он подчиняет свои романы единому замыслу, когда абсолютно все: случайные встречи, внезапное появление памятных предметов – оказывается в конце плотно подогнано, а самые несерьезные разговоры наделены большим смыслом.

Критики единодушно связывают с Джонатаном Коу будущее английской литературы. Его стиль – энергия, нежность, душевное тепло и комизм. Помимо прочих достоинств, «Дом сна» обладает еще и удивительной гипнотической силой.

Джонатан Коу

Дом сна

Jonathan Coe

The House of Sleep

Copyright © 1997 by Jonathan Coe

© Игорь Алюков, перевод, 2002, 2020

© Андрей Бондаренко, оформление, 2020

© «Фантом Пресс», издание, 2020

Предисловие к русскому изданию

Роман «Дом сна» написан преимущественно в 1995–1996 годах и первоначально задумывался как исключительно юмористический. Мрачность и грусть, обнаруженные в книге некоторыми читателями, пробрались туда без моего ведома. Но если книга живет независимой от автора жизнью и подкидывает ему сюрпризы, то это, как мне кажется, совсем неплохо.

Тогда я только что закончил свой четвертый роман «Какое надувательство!», сатирическую панораму эпохи Тэтчер, и работа над ним была более долгой и сложной, чем все, что я делал до того. Было бы слишком театрально утверждать, будто я творчески выдохся, но все же мне хотелось переключиться на что-то более простое и камерное. Вдохновленный собственной склонностью к лунатизму, я решил написать комедию-фарс, действие которой происходит в клинике для страдающих нарушениями сна, мне захотелось беззлобно

посмеяться над причудами лунатиков, над людьми, которые разговаривают во сне, над мучающимися бессонницей, над храпунами и нарколептиками.

Увы, ничего не вышло. Во мне уже поселилась тяга к фуговому, полифоническому повествованию, и этот сидящий внутри меня дьявол побудил вставить в роман побочную сюжетную линию, основанную на давнем замысле, который я много лет назад отложил в сторону, – историю о мужчине-гетеросексуале, который без памяти влюблен в женщину-гомосексуалку. Я даже начал подозревать, что на каком-то глубинном уровне эта история тесно связана с темой сна и сновидений. Кто знает, может, сон и любовь – это одно и то же?

Я редко запоминаю собственные сны – разве что шесть-семь раз за год, да и то если повезет. Но если такое случается, то сны эти дают мне мощный эмоциональный заряд. По-моему, такую штуку, что именуется эротическим сном, я не видел уже лет десять, хотя я и не глубокий старик. Но иногда мне снится друг – мужчина или женщина, – и в нем столько любви и нежности, что, проснувшись, я первым делом рвусь встретиться с этим человеком, поговорить с ним по телефону или хотя бы отправить ему письмо по электронной почте. Иногда эти сны бывают исключительно яркими. Однажды мне приснилось, будто мой близкий друг сообщил мне о смерти его матери. Опечаленный, я на следующее утро сел и принялся составлять письмо с выражением соболезнования. Написав половину письма, я вышел из дома выпить кофе и, бредя по лондонским улицам, внезапно подумал: а что, если эта смерть мне всего-навсего (всего-навсего!) приснилась? Я позвонил другу, и он ответил мне веселым голосом, совсем не похожим на голос человека, у которого накануне умерла мать. Я облегченно вздохнул и выбросил письмо, подумав, сколько черного юмора было бы в ситуации, если бы я дописал и отправил его, а мой друг на следующий день прочел бы послание в совершеннейшем недоумении.

Вот так сложились две основные темы этого романа: сны столь яркие, что мы не можем отличить их от действительности, и сны такой эмоциональной силы, что они могут навсегда изменить наше отношение к человеку. Я поймал себя на том, что пишу какую-то неправильную любовную историю, где наиболее значительные события происходят не тогда, когда персонажи бодрствуют, а когда они спят.

Что касается юмора, то я обнаружил – в который раз, – что просто не могу обойтись без него. Моя теща – высококвалифицированный библиотекарь, специалист по медицинской литературе, очень занятой человек – рассказала

мне о конференции, куда была вынуждена пойти вместе с прочими столь же занятыми личностями, дабы познакомиться с новейшими разработками в области менеджмента, и там они несколько часов выкладывали фигурки из спичек и лепили из пластилина. Этот гротескный пример показался мне настолько симптоматичной тенденцией современного западного общества – насильственное внедрение нелепых и неуместных представлений об управленческой «эффективности» в государственные службы, – что я не мог удержаться и написал на его основе эпизод. Сходным образом обнаружив, что роман мой посвящен еще и кино (фильмы и сновидения – это во многом одно, экзотическое визуальное заблуждение, которым мы наслаждаемся в темноте), я оказался втянут в полемику о смерти европейского художественного кино и в рассуждения о том, как в течение последних тридцати лет оно было стерто с лица земли Голливудом с его циничными рецептами и безжалостным меркантилизмом, который, словно раковая опухоль, с воинственной решимостью распространил свое влияние на весь земной шар.

Так что, как видите, мой роман превратился в нечто большее, чем маленькая и веселая сюрреалистическая комедия о нарушениях сна. Ему даже грозила опасность войти в неуправляемый штопор. Поэтому я решил прекратить придумывать все новые и новые линии, а вместо этого сесть наконец за работу над книгой.

Джонатан Коу,

Лондон,

10 октября 2002 г.

Уведомление автора

Нечетные главы романа относятся преимущественно к 1983–1984 годам.

В четных главах действие происходит в последние две недели июня 1996 года.

– Я действительно путаюсь во времени. Если из-за сильного потрясения человек перестает чувствовать... – Она замолчала, сделала над собой усилие и торопливо продолжила: – ...то он перестает чувствовать. Эпохи и мгновения меняются местами. И обычный счет времени теряется.

Розамонд Леманн, «Гулкая роща»

Бодрствование

1

Было совершенно ясно, что это их последняя ссора. Но хотя он ждал чего-то подобного уже несколько дней, а то и недель, сдержать гнев и возмущение все-таки не удалось. Она была не права, но отказывалась признать свою неправоту. Всякий его довод, всякая попытка примириться и воззвать к благоразумию выворачивались наизнанку и обращались против него. Как она смела попрекать его за тот невинный вечер в «Полумесяце», что он провел с Дженнифер? Как она смела назвать его подарок «жалким», да еще уверять, будто у него «бегали глаза», когда он его вручал? И как она смела заговорить о его матери – не о ком-нибудь, а о матери, – как смела она обвинить его, что он слишком часто навещает мать? Словно сомневалась в его зрелости, в его силе, даже в его мужественности...

Он невидяще смотрел перед собой, не замечая ни окружающих предметов, ни пешеходов. Сука, подумал он, вспомнив ее слова. И сквозь стиснутые зубы выдохнул:

– СУКА!

И почувствовал себя немного лучше.

* * *

Эшдаун, огромный, серый, внушительный, высился на мысу в каких-то двадцати ярдах от отвесной скалы; он стоял здесь уже больше ста лет. Целыми днями вокруг его спилей и башенок с хриплым причитанием кружили чайки. Целыми днями и ночами о каменную преграду неистово бились волны, порождая в студеной комнате и гулких коридорах старого дома непрерывный рев, словно где-то рядом неслись тяжелые грузовики. Даже самые необитаемые уголки Эшдауна – а необитаемы ныне большинство из них – никогда не ведали тишины. Наиболее приспособленные для жизни помещения скучились на втором и третьем этажах, окна выходили на море, и днем комнаты заливал холодный свет. В Г-образной кухне на первом этаже было три маленьких окошка и низкий потолок, отчего там всегда царил полумрак. Суровая красота Эшдауна, противостоявшая стихии, попросту маскировала то, что дом, в сущности, был непригоден для жизни. Соседские старики могли припомнить – не слишком веря своим воспоминаниям, – что некогда особняк принадлежал семье из восьми-девяти человек. Но пару десятилетий назад дом перешел к новому университету, и сейчас в Эшдауне обитало около двух дюжин студентов – население столь же переменчивое, как и океан, что начинался у подножия скалы и тянулся до самого горизонта, в болезненном беспокойстве вздымая тошнотворно зеленые волны.

* * *

Спрашивали эти четверо разрешения присесть за ее столик или нет? Сара не помнила. Вроде бы они спорили, но Сара не слышала, о чем идет речь, хотя голоса и пробивались до ее сознания – то нарастая, то затихая сердитым контрапунктом. В эти минуты реальным было для нее лишь то, что она видела и слышала у себя в голове. Одно-единственное ядовитое слово. И глаза, полыхнувшие необъяснимой ненавистью. И ощущение, что слово не столько произнесли, сколько им в нее харкнули. Та встреча... сколько же она длилась – две секунды? меньше? – но в памяти Сара прокручивала ее уже больше получаса. Эти глаза, это слово... от них теперь очень долго не избавиться. Даже сейчас, когда люди вокруг говорили все громче и оживленнее, Сара чувствовала, как ее захлестывает очередная волна паники. Она прикрыла глаза от внезапной полуобморочной слабости.

Напал бы он на нее, думала она, не будь Хай-стрит такой оживленной? Затащил бы в подворотню? Разорвал бы на ней одежду?

Она подняла кружку с кофе, медленно подняла к лицу, заглянула внутрь. Маслянистая поверхность мелко подрагивала. Она крепче стиснула кружку. Жидкость перестала колыхаться. Руки у нее больше не дрожали. Все позади.

Еще одна возможность – что, если ей все это приснилось?

– Пинтер!

Это слово первым проникло в ее сознание. Сара сосредоточилась и подняла глаза.

Имя произнесли с усталым сомнением – говорила женщина, в одной руке она держала стакан с яблочным соком, в другой – зажженную сигарету. У нее были короткие угольного цвета волосы, чуть выступающая челюсть и живые темные глаза. Сара смутно припомнила, что видела ее и прежде – здесь же, в кафе «Валладон», – но имени не знала. Чуть позже стало ясно, что женщину зовут Вероника.

– Как это типично, – добавила женщина и затушила сигаретой, прикрыв глаза. Она улыбалась: похоже, спор забавлял ее – в отличие от худого бледного студента, с серьезным видом сидевшего напротив. – Люди, которые вообще ни черта не смыслят в театре, – продолжала Вероника, – всегда талдычат о величии Пинтера.

– Ладно, – сказал студент. – Согласен, он переоценен. С этим я согласен. Но это лишь подтверждает мою точку зрения.

– Подтверждает твою точку зрения?

– Послевоенная театральная традиция Британии, – сказал студент, – настолько... этиологизована, что...

– Чего? – произнес голос с австралийским акцентом. – Это еще что такое?

- Этиолирована, - повторил студент. - Столь этиолирована, что в британском театре имеется лишь одна фигура, которая...

- Этиолирована? - упорствовал австралиец.

- Не обращай внимания, - сказала Вероника, еще больше расплываясь в улыбке. - Он пытается произвести впечатление.

- Но что значит это слово?

- Посмотри в словаре, - отрезал студент. - Моя точка зрения заключается в том, что в послевоенном британском театре есть лишь одна фигура, которая может претендовать на какую-нибудь значимость, но даже ее переоценили. Чрезмерно переоценили. Ergo, театру конец.

- Эрго? - переспросил австралиец.

- С театром покончено. Он больше не может ничего предложить. Театру нет места в современной культуре - ни в этой стране, ни в любой другой.

- И ты хочешь сказать, что я даром трачу время? - спросила Вероника. - Что я совершенно не улавливаю Zeitgeist?[1 - Дух времени (нем.)]

- Именно. Тебе нужно срочно сменить специализацию и заняться изучением кинематографа.

- Как ты.

- Как я.

- Что ж, интересно, - сказала Вероника. - И что же ты хочешь сказать? С одной стороны, ты полагаешь, что раз я интересуюсь театром, значит, я его изучаю. Ошибаешься: я учусь на экономическом. И потом, это твое убеждение, будто ты обладаешь некоей абсолютной истиной... в общем, я нахожу, что это весьма мужское качество. Мне больше нечего добавить.

- Так я мужчина, - заметил студент.

- А Пинтер – твой любимый драматург, и это весьма показательно.
- Чем же?
- Он пишет пьесы для мальчиков. Для умных мальчиков.
- Но искусство универсально. Все истинные писатели – гермафродиты.
- Ха! – презрительно выдохнула Вероника и затушила сигарету. – Ладно, поговорим о гендерных вопросах?
- Я думал, мы говорим о культуре.
- Одно неотделимо от другого. Гендерные различия всюду.

Теперь рассмеялся студент:

- Это одно из самых бессмысленных утверждений, которое я слышал. Ты хочешь говорить о гендерных различиях только потому, что боишься говорить о высоком.
- Пинтер интересен только мужчинам, – сказала Вероника. – А почему он интересен мужчинам? Потому что он женоненавистник. Его пьесы призывают к женоненавистничеству, запрятанному в глубине души всякого мужчины.
- Я не женоненавистник.
- Ага. Все мужчины ненавидят женщин.
- Да ты сама в это не веришь.
- Еще как верю.
- И считаешь всех мужчин потенциальными насильниками?

- Да.

- Ну вот, еще одна бессмыслица.

- Смысл весьма прозрачный. У всех мужчин есть задатки насильника.

- У всех мужчин есть орудие насилия. Это не одно и то же.

- Речь не о том, что все мужчины обладают необходимым... инструментарием. Я говорю, что нет такого мужчины, который не лелеял бы в самом мрачном уголке своей души глубокую обиду - и зависть - к нашей силе, и обида эта иногда перерастает в ненависть, а потому способна обернуться насилием.

Последовала короткая пауза. Студент что-то промямлил и тут же затих. Потом снова заговорил и снова умолк. В конце концов не придумал ничего лучшего, чем:

- Да, но у тебя нет доказательств.

- Вокруг полно доказательств.

- Да, но у тебя нет объективных доказательств.

- Объективность, - сказала Вероника, закуривая снова, - это мужская субъективность.

Долгую и отчасти даже благоговейную тишину, наступившую после этого вердикта, нарушила Сара:

- Мне кажется, она права.

Сидевшие за столом разом повернулись к ней.

- Не по поводу объективности... в общем... я никогда об этом не задумывалась... но я хочу сказать, что мужчины по сути своей - действительно враждебные существа, и никогда не знаешь, когда эта враждебность... выплеснется наружу.

Вероника встретила с ней взглядом.

– Спасибо. – Она повернулась к студенту: – Видишь? Поддержка по всем фронтам.

Тот пожал плечами:

– Обычная женская солидарность.

– Нет, понимаете, со мной как раз так и случилось, – запинаясь и торопясь, пробормотала Сара. – Как раз такой случай, о котором вы говорите... – Она опустила голову и увидела, как ее глаза угрюмо отражаются в маслянистой поверхности кофе. – Прошу прощения, я не знаю, как вас зовут... Даже не знаю, зачем вмешалась в вашу беседу. Я лучше пойду.

Она встала и поняла, что зажата в самом углу – край стола врезался ей в бедра, она неловко, бочком, протиснулась мимо австралийца и серьезного студента. Лицо ее горело. Сара не сомневалась, что они смотрят на нее как на чокнутую. Пока она шла к кассе, никто не произнес ни слова, но, отсчитывая мелочь (Слаттери, хозяин заведения, с отстраненностью запойного книгочея сидел в своем углу), Сара почувствовала, как чья-то рука коснулась ее плеча; она обернулась и увидела Веронику. Та улыбалась смущенно и чуть просительно – резкий контраст с тем воинственным оскалом, которым она одаривала своих оппонентов за столиком.

– Послушай, – сказала Вероника, – я не знаю, кто ты и что с тобой стряслось, но... мы можем поговорить об этом, когда захочешь.

– Спасибо, – ответила Сара.

– Какой курс?

– Четвертый.

– А, так тебе год только остался?

Сара кивнула.

- Живешь в студгородке?

- Нет. В Эшдауне.

- Вот как. Может быть, тогда так или иначе встретимся.

- Наверное...

Сара заторопилась к выходу, пока эта дружелюбная и странная женщина не успела сказать что-нибудь еще. После мрачного и прокуренного бара солнечный свет слепил глаза, а воздух был свеж и солоноват. По улицам текли ручейки покупателей. В обычный день приятно пройтись домой пешком, вдоль скал – прогулка долгая и почти все время в гору, но стоит сладкой боли в ногах и рези в легких, хорошенько проветренных чистым воздухом холмов. Но сегодня день был не из обычных; Сара и думать не хотела ни о пустынной тропе, ни об одиноких мужчинах, что могут шагать издалека навстречу или сидеть на скамейках и нагло ее разглядывать.

Истратив сумму, на которую могла бы ужинать неделю, Сара доехала до дому на такси и всю вторую половину дня провела в постели, но оцепенение так и не рассосалось.

психоаналитик: Что в этой игре вас больше всего тревожило?

пациент: Не знаю, насколько уместно слово «игра».

психоаналитик: Вы сами выбрали его минуту назад.

пациент: Да. Просто я не знаю, насколько оно уместно. Наверное, речь шла о...

психоаналитик: Это пока не важно. Он вам причинял физическую боль?

пациент: Нет. Нет, больно он мне не делал.

психоаналитик: Но вы считали, что он способен причинить физическую боль?

пациент: Наверное... Где-то в глубине души.

психоаналитик: А он знал об этом? Он знал, что вы считаете, будто когда-нибудь он причинит вам боль? Не в этом ли заключался весь смысл игры?

пациент: Да, возможно, так оно и было.

психоаналитик: Для него? Или для вас обоих?

Когда Грегори вернулся с вечеринки, Сара опять лежала в постели. В сумерках она ненадолго встала, надела халат и сползла по лестнице в кухню, но даже там ее продолжало колотить от внезапных приступов страха. На кухне было пусто, из гостиной в конце коридора доносились отзвуки какого-то американского сериала – то ли «Далласа», то ли «Нотс-Лэндинг»[2 - Телесериал (1979–1993) компании Си-би-эс, созданный на основе одной из сюжетных линий «Далласа». – Здесь и далее примеч. перев.]. Думая, что одна, Сара открыла банку с грибным супом и вылила его в кастрюлю. Потом зажгла горелку на плите, прятанной в нише за углом Г-образного помещения. Она медленно помешивала суп тяжелой деревянной ложкой – это занятие почему-то успокаивало. Три раза по часовой стрелке, три раза против часовой стрелки... Сара смотрела, как в вязкой жиже появляются и исчезают завитки. Целиком уйдя в это занятие, она вздрогнула, услышав мужской голос:

– А где здесь держат кофе?

С коротким вскриком Сара отшатнулась.

Человек, выглядывавший из-за угла, попятился.

– Простите. Я думал, вы слышали мои шаги.

– Нет, не слышала.

– Я не хотел вас пугать.

У него было доброе лицо – первое, на что Сара обратила внимание. А второе: похоже, он плакал – и плакал совсем недавно. Налив себе кофе, человек устроился за столом, она села напротив – с тарелкой супа. Пододвигая стул, Сара мельком глянула на него: она готова была поклясться, что по его щеке скатилась слеза.

– С вами все в порядке? – спросила она. Первокурсники в Эшдауне были редкостью, но, может, он из их числа и тоскует по дому.

Она ошиблась. Он учился на третьем курсе – изучал современные языки – и лишь вчера переехал в Эшдаун. А расстроился потому, что несколько часов назад мать по телефону сообщила, что нынче утром погибла их домашняя любимица, кошка Мюриэл, – на дорожке к дому ее переехал фургон молочника. Незнакомец явно стыдился показывать свои чувства, но именно этим и понравился Саре. Однако, чтобы не смущать его еще сильнее, она поспешила сменить тему, сказав, что и у нее сегодня выдался нелегкий день.

– А с вами что случилось? – спросил он.

Лишь позже Саре пришло в голову, сколь необычна подобная откровенность с незнакомцем, имени которого она даже не удосужилась выяснить. Тем не менее Сара подробно рассказала о странной встрече на улице с каким-то совершенно неизвестным ей человеком, который свирепо посмотрел на нее и без всякой на то причины обозвал сукой. Новый жилец пил кофе и внимательно слушал. Сара говорила и думала: какой идеальный баланс между участием (казалось, он понимает, как сильно задел ее случай на улице) и добродушной беззаботностью (он посоветовал посмеяться над яростью того жалкого идиота). Она пересказала и спор, подслушанный в кафе «Валладон»: как разговор свернул на женоненавистничество и как она вдруг ощутила потребность вмешаться в него.

– Животрепещущая тема, – согласился новый знакомый. – Здесь полно противников феминизма.

И добавил, что какие-то вандалы на днях проникли на недавно образованную кафедру феминизма – взломали дверь и аэрозольными красками испоганили стены огромными надписями «Смерть сестрам».

Саре нравилось беседовать с этим человеком, но усталость брала свое. С ней уже случалось такое: усталость – безмерная, изнуряющая – наваливалась столь внезапно, что пару раз Сара засыпала прямо посреди разговора. А сейчас это было особенно ни к чему: Саре хотелось произвести впечатление.

– Пожалуй, пойду прилягу, – сказала она, споласкивая тарелку под холодной водой. – Было приятно познакомиться. Я рада, что вы поселились здесь. Думаю, мы подружимся.

– Надеюсь.

– Кстати, меня зовут Сара.

– А меня Роберт.

Они улыбнулись друг другу. Сара запустила руку в волосы, ухватила прядь и легонько потянула. Роберт заметил и запомнил этот жест.

Сара поднялась к себе и снова заснула, на час или два – пока не вернулся Грегори и не разбудил ее, включив верхний свет. Щурясь, она взглянула на будильник. Времени прошло не так много, часы показывали четверть одиннадцатого.

– Уже вернулся?

Стоя к ней спиной, Грегори что-то засовывал в ящик комода.

– Похоже на то, – проворчал он.

– Я думала, ты придешь совсем поздно. Все-таки ваш последний вечер. Думала, вы как следует повеселитесь.

Начинался осенний семестр, и Грегори приехал из родного Данди лишь для того, чтобы упаковать вещи, повидать старых друзей и провести напоследок несколько дней с Сарой. В июле оба закончили первую университетскую ступень. В конце недели Грегори уезжал в Лондон, где собирался изучать психиатрию. Сара еще на год оставалась в университете, чтобы получить

диплом учителя начальных классов.

- Завтра тяжелый день, - сказал Грегори, присаживаясь на край кровати и стаскивая ботинок. - Надо пораньше встать. - Тут он впервые бросил на Сару взгляд. - Ты выглядишь изнуренной.

Она рассказала о прохожем, оскорбившем ее на улице.

- Бессмыслица какая-то, - сказал Грегори. - С какой стати кому-то тебя обзывать?

- Я женщина, - ответила Сара, - и этого достаточно.

- Ты уверена, что он обращался к тебе?

- Вокруг никого не было. - Грегори сосредоточился на запутавшемся шнурке, и Сара подсказала: - Я ужасно расстроилась.

- Нельзя, чтобы такие вещи тебя задевали. - Грегори наконец развязал шнурок и через простыню стиснул Сарину лодыжку. - Я думал, мы уже выше этого. Ты ведь большая девочка. - Он нахмурился. - Это правда случилось?

- Думаю, да.

- Да... но ты не уверена. Может, стоит на всякий случай записать?

Грегори сел за туалетный столик и достал из верхнего ящика тетрадь. Написал несколько слов, откинулся на спинку стула и принялся перелистывать страницы. Его лицо в зеркале расплылось довольной улыбкой.

- Знаешь, мне очень повезло, что я познакомился с тобой. Смотри, сколько материала я получил. Ну то есть, конечно, это не единственная причина, но... у меня теперь есть преимущество.

- Не слишком ли рано об этом думать? - спросила Сара.

– Чепуха. Начинать никогда не рано, если действительно хочешь добиться успеха.

– Но это же не гонка.

– В человеческой гонке, как и в любой другой, есть победители и проигравшие. – Грегори убрал тетрадь и принялся расстегивать рубашку. – Сколько раз я тебе об этом говорил?

К своему удивлению, Сара отнеслась к вопросу серьезно.

– Раз пятнадцать или двадцать.

– Вот видишь. – Грегори был явно доволен статистикой. – И мои слова применимы ко всему – даже к умению подыскивать себе жилье. Ты не поверишь, но Фрэнк через неделю уезжает в Лондон, а еще не нашел квартиру. – Он недоуменно рассмеялся. – Как объяснить такое поведение?

– Ну, – отозвалась Сара, – возможно, ему не повезло и у него нет отца, который купил бы ему квартиру в Виктории.

– В Пимлико, а не в Виктории.

– Какая разница?

– Во-первых, разница в двадцать тысяч фунтов. Мы очень тщательно выбрали район. Чтобы удобно было добираться до больницы. И чтобы соседи были добропорядочные. – Почувствовав невысказанное презрение Сары, Грегори добавил: – Господи, я думал, что уж ты-то оценишь. Ты ведь будешь каждый уик-энд ночевать там.

– Да?

– Ну, я так думал.

– Знаешь, мне надо готовиться к занятиям, да и других дел хватает. У меня в этом семестре практика в школе. Возможно, я буду занята.

– Не думаю, что подготовка к нескольким урокам займет так уж много времени.

– Некоторым все дается без труда. Но не мне. Я работаю.

Грегори сел рядом на кровать.

– По-моему, у тебя проблемы с самооценкой, – сказал он. – Тебе никогда не приходило в голову, что именно низкая самооценка не позволяет тебе чего-то добиться?

Сара некоторое время переваривала сказанное, но рассердиться не смогла. Вместо этого она вдруг вспомнила сцену на кухне.

– Я познакомилась сегодня с новым жильцом, – сказала она. – Его зовут Роберт. С виду очень приятный. Ты его знаешь?

– Нет.

Грегори, уже успевший раздеться до трусов, рассеянно скользнул рукой по ночной рубашке Сары, ладонь замерла на ее груди.

– Ты с ним не разговаривал?

Грегори вздохнул.

– Сара, я завтра уезжаю. Я буду жить в Лондоне. Зачем тратить время на знакомство с людьми, которых я больше никогда не увижу?

Он снял трусы, забрался на Сару и стянул с нее ночную рубашку, обнажив груди. Провел пальцами по соскам и принялся пощипывать их. Сара наблюдала за выражением его лица, пытаясь вспомнить, где она видела такое: лоб нахмурен в нетерпеливой сосредоточенности – совсем как в тот вечер, когда Грегори одновременно крутил ручки контрастности и синхронизации кадров на телевизоре в гостиной, пытаясь добиться хорошей картинки, чтобы посмотреть «Новости в десять». Сара припомнила, что на это у него ушло около двух минут, но сейчас не истекло и половины этого срока, как он сжал ее тонкие запястья,

прижал их к подушке над головой и торопливо вошел в нее. Сара поморщилась: внутри все было сухо, очень неприятное ощущение.

- Послушай, Грегори, - сказала она. - Я не в настроении. Честно говоря, совсем не в настроении.

- Все в порядке, я быстро.

- Нет. - Она высвободила руки и остановила движения его бедер. - Я не хочу.

- Но я ведь провел стимуляцию.

В его глазах читались обида и недоумение.

- Прочь, - сказала Сара.

- Что... из тебя, из постели или из комнаты?

Казалось, он искренне смутился.

- Для начала - из меня.

Секунду-другую он смотрел на Сару, потом недовольно хмыкнул и вышел из нее.

- Иногда ты такая эгоистка. - Он не слезал с нее, и Сара знала, что последует дальше: - Закрой на минутку глаза.

Она смотрела на него - вызывающе и беззащитно.

- Что я вижу, подгляди. Давай, а?

- Грегори, нет. Не сейчас.

- Ну давай. Я же знаю, что на самом деле тебе нравится.

- На самом деле мне совсем не нравится. И никогда не нравилось. Сколько раз тебе говорить - мне никогда не нравилось.

- Это просто игра, Сара. Игра в доверие. Ты ведь мне доверяешь?

- Отпусти.

Грегори одной рукой стиснул ее ладони и снова прижал к подушке. Другая рука зависла над лицом Сары, растопыренные указательный и средний пальцы медленно приближались к глазам.

- Давай же, - повторил он. - Покажи, что ты мне доверяешь. Закрой глаза.

Подушечки его пальцев были так близко, что Саре не оставалось ничего другого - она рефлекторно зажмурилась. И через мгновение ощутила, как пальцы Грегори давят на прикрытые веками глазные яблоки; она чуть напряглась, поддаваясь хорошо знакомому страху. Сара умела справляться с этим чувством, и способ был простой - выбросить из головы все мысли о происходящем. Когда Грегори склонялся над ней, время словно останавливалось и мысли Сары утекали к далекому, казалось (пока), прошлому: к самому началу их романа, когда она радовалась компании Грегори, когда их отношения еще не свелись к непрерывным ссорам и странным постельным ритуалам.

Как они перешли от того, что было, к тому, что стало?

Сара живо помнила, как они познакомились в буфете Центра искусств. Она не собиралась идти на концерт, но оставшиеся билеты распродавались по смехотворной цене, а перед началом кассиры и вовсе опустили до того, что бесплатно всовывали билеты прохожим - чтобы только публика собралась и заезжий музыкант не умер от стыда. В программе значилось «Искусство фуги» Баха, а Сара ничего не слышала об этом произведении, от начала и до конца исполняемом на клавесине. В ее ряду сидел только один человек - худой долговязый студент с темными волосами, коротко остриженными на затылке и висках, неестественно прямой, в твидовом пиджаке, галстук частной школы и желтой жилетке, из кармана свисала цепочка от часов; с суровой сосредоточенностью он слушал музыку и временами без видимой причины то громко вздыхал, то раздраженно прищелкивал языком. Студент не обратил на Сару никакого внимания, и потому она очень удивилась, когда в антракте он

подсел за ее столик, но еще больше она удивилась, когда после напряженного молчания, длившегося минуты две или три, он вдруг заговорил с рубленным шотландским выговором:

- Абсурдная смена темпа в одиннадцатом контрапункте, не находите?

Саре никогда не говорили более странных и непонятных слов, но благодаря им удалось завязать какой-никакой разговор, благодаря которому, в свою очередь, завязались какие-никакие отношения. Все пять семестров, что Сара провела в университете, у нее не было приятеля и светская жизнь сводилась к редким буйным вечеринкам в большой компании знакомых, которые никогда ее (как она чувствовала) всерьез в свой круг не включали. Приглашения Грегори пообедать, сходить с ним в кино или в театр – все это доставляло Саре непривычное блаженство. Чаще всего они ходили на концерты, и хоть Сара замечала, что Грегори питает склонность к сухой, академической, бесстрастной музыке, особо не тревожилась из-за этого. Во всяком случае, до тех пор, пока не обнаружила, что и в постели у Грегори похожие склонности.

С ним Сара и лишилась девственности спустя примерно шесть недель после знакомства. Событие это, как Сара и ожидала, оказалось трудным и болезненным, но она никак не предвидела, что последующие свидания также будут лишены удовольствия. Грегори занимался любовью с тем же холодным и рациональным мастерством, какое восхищало его в самых выверенных баховских экзерсисах. Нежность, уступчивость, выразительность и смена ритма не входили в его репертуар. После нескольких месяцев регулярных совокуплений лучшее, на что могла рассчитывать Сара, лучшее, чего ей приходилось с нетерпением ждать, – посткоитальная усталость, когда Грегори, сделав свое дело и обессилев, заговаривал вкрадчивым, задушевым тоном, который она находила нехарактерным и весьма приятным. Именно в один из таких моментов он задал ей неожиданный вопрос.

Безветренной душной ночью они с Грегори лежали в постели, тесно прижавшись друг к другу, ее голова покоилась на его плече. И Грегори спросил, вроде бы ни с того ни с сего, какая часть его тела ей кажется особенно красивой. Сара подняла на него удивленный взгляд и ответила, что точно не знает, ей надо подумать, и тогда Грегори, к ее большому облегчению (поскольку, если честно, Сара ни одну часть его тела не находила особенно красивой), спросил: «Сказать, что у тебя самое красивое?» И Сара ответила: «Да, скажи». Но он заставил ее гадать, и они, хихикая, перебрали несколько очевидных вариантов, но ни один

не оказался верным, и наконец Сара сдалась, а Грегори улыбнулся и шепнул: «Веки». Поначалу она ему не поверила, но он пояснил: «Это потому, что ты никогда не видела свои веки, и никогда не увидишь, если только я не сфотографирую» (он так и не сфотографировал), и тогда Сара спросила: «А когда это ты успел так близко познакомиться с моими веками?» – и Грегори ответил: «Когда ты спала. Мне нравится смотреть на тебя, когда ты спишь». Это был первый знак, первый намек, что Грегори любит склоняться над людьми в постели, любит разглядывать спящих. И поначалу эта черта показалась Саре интересной, она сочла ее признаком пытливого ума, но вскоре стала задаваться вопросом, нет ли в этом желании – разглядывать спящих – чего-то зловещего, даже какого-то фетишизма? Ведь в эти минуты человек беспомощен, можно сказать, он без сознания, а наблюдатель бодрствует и свое сознание вполне контролирует.

С тех пор Сара разучилась легко засыпать: ей не давала покоя мысль, что в любой момент Грегори может склониться над ней, разглядывая при лунном свете ее лицо. (И это еще до того, как она разбудила в нем интерес историями о своих снах – снах столь реальных, что порою она не могла отличить их от реальности.) Но Сара привыкла к этой мысли, как, по ее мнению, привыкают к любой мысли. И, даже зная, что Грегори наблюдает за ней, еще несколько месяцев (или все-таки недель?) она по-прежнему крепко спала – пока ранним декабрьским утром с криком не пробудилась от лягушачьего кошмара, снившегося ей регулярно. На этот раз лягушка была размером с человека и сидела на обочине шоссе, огибающего студенческий городок. Сара попыталась проскочить мимо твари, но та жутко квакнула и прилепнула к ее векам свой раздвоенный язык – по одному кончику на каждый глаз. Усилием воли Сара проснулась и закричала еще громче, ибо поняла, что хотя она уже не спит, на веки ей по-прежнему что-то давит, это кто-то или что-то было тесно прижато к глазам. Она попыталась открыть их, но не смогла этого сделать. Что-то мешало поднять веки. Но потом препятствие вдруг исчезло, она распахнула глаза и обнаружила перед собой Грегори: он сидел рядом и, склонившись, внимательно наблюдал за ее лицом, а его растопыренные пальцы маячили в каком-то дюйме над ее глазами.

– Какого черта ты делал? – спросила Сара несколько минут спустя, когда окончательно проснулась, дыхание и сердцебиение вошли в норму и она убедилась, что никаких гигантских лягушек в комнате нет. – Что ты делал, пока я спала?

- Ничего, - ответил Грегори. - Просто смотрел на тебя.

- Ты прикасался ко мне, - сказала Сара.

- Я не хотел тебя будить.

- Тогда тебе не следовало притрагиваться к моим глазам своими погаными пальцами.

После паузы Грегори пробормотал:

- Прости. - Он сказал это очень тихо, даже трогательно, и сжал ей руку. Потом наклонился и поцеловал ее. - Я не хотел тебя будить, - повторил он. - Я должен был к ним прикоснуться. Это невероятно... - Она угадала в сумраке его улыбку. - За твоими глазами таится столько жизни, когда ты спишь. И мне хотелось к ним прикоснуться, чтобы кончиками пальцев ощутить твою жизнь... Знаешь, я так уже делал, - добавил он.

- Да, но... ты меня напугал. Все было так реально. - И Сара смиренно вздохнула:
- И ты давил слишком сильно.

Грегори снова улыбнулся:

- Да, но ты же мне доверяешь, правда? Ты ведь уверена, что я не причиню тебе вреда?

Сара ощутила, как его пальцы сжали ей руку и ласково поглаживают запястье.

- Наверное.

- Наверное?

Повисло обиженное молчание, и Сара не выдержала:

- Конечно, доверяю. Но ведь речь не об этом?

- Нет, именно об этом. Что, по-твоему, я собирался с тобой сделать?

С этими словами Грегори снова поднес руку к ее лицу. Сара инстинктивно прикрыла глаза, и он осторожно надавил на веки.

- Что я вижу, - прошептал он, - подгляди. Больше не боишься?

- Нет, - с сомнением ответила Сара.

Он надавил сильнее.

- А теперь?

Вот так началось то, что они в итоге назвали «игрой», которая все больше и больше переплеталась с сексом, и вскоре они играли в нее (точнее, играл Грегори, а Саре неизменно отводилась пассивная роль) не только после соития, но и во время самого полового акта, так что нередко Грегори достигал оргазма, все сильнее и сильнее вдавливая пальцы в закрытые веки Сары.

Все это припомнила Сара в те несколько мгновений, пока лежала под Грегори, готовым начать свой эксперимент. Как оказалось - в последний раз, потому что внезапно в ней пробудились мятежный дух и невиданная физическая сила, поразившие обоих. Испутив последнее слабое «Нет!», Сара отшвырнула Грегори - так, что он слетел с кровати и голый распластался на полу.

- О господи, женщина!

Сара вскочила и поправила ночную рубашку.

- Ну ни хера себе! Да за что?

С вешалки на двери Сара сдернула халат и торопливо, не попадая в рукава, влезла в него. Грегори стоял на коленях рядом с кроватью и тяжело пыхтел, одной рукой держась за лоб.

- Ответишь ты или нет?

Не говоря ни слова, Сара распахнула дверь и побежала по коридору в туалет. Она заперлась, села на унитаз и заплакала. Несколько минут раскачивалась взад и вперед. Понемногу слезы и мерные движения успокоили ее, Сара сполоснула лицо холодной водой и оглядела себя в зеркале. Веки покраснели, губы сжаты с непривычной решительностью. Она принялась репетировать подходящие фразы.

Грегори, прости, но с меня довольно.

Думаю, будет лучше, если мы больше не станем встречаться.

У нас ничего не выходит, ведь так?

Думаю, нам стоит остаться друзьями.

Станным образом, стоило Саре сочинить речь, и ей захотелось ее поскорее произнести – точнее, с волнением и робостью она предвкушала то удовлетворение, которое ощутит, когда одно из наиболее твердых убеждений Грегори окажется разбито. Через пять минут, сказала она себе, все будет кончено. Внезапно ей показалось невероятным, что отношения, тянувшиеся более года и позволившие ей узнать чуточку о счастье и немало – а в последние месяцы все больше и больше – о разочаровании, можно завершить в несколько мгновений. Горстка тщательно подобранных фраз даст ей... что?... наверное, свободу и право на иные, более достойные дружеские отношения (в голове мелькнули имена и лица Роберта и – Сара успела мимолетно и безотчетно удивиться – Вероники). Но все это было чистым домыслом: от ближайшего будущего она не ждала ничего, кроме опустошенности, вакуума чувств и полной черноты. Однако даже такая перспектива выглядела вполне соблазнительной.

Чернота окутала Сару, когда она осторожно открыла дверь комнаты. Чернота и тишина. Не было слышно даже дыхания Грегори. Сара собралась нащупать выключатель, но передумала. Вместо этого откашлялась и тихонько спросила:

– Грегори?

Тотчас зажегся ночник. Грегори, приподняв голову, смотрел на нее, и руки его были сложены на груди. Пижама, по обыкновению, застегнута на все пуговицы. Не успела Сара открыть рот, как Грегори заговорил – четко и бесстрастно:

– Я могу сказать тебе только одно, Сара, и я намерен сказать тебе это прямо сейчас, чтобы все произошло как можно быстрее и безболезненнее. Твое сегодняшнее поведение подтвердило подозрение, которое уже давно зрело у меня в голове. Подозрение, что ты, если говорить прямо, далека от образа той спутницы, с которой я хотел бы разделить остаток своей жизни. В связи с этим я считаю себя обязанным сообщить тебе, что с этого момента наши отношения прерваны. Я понимаю, что сейчас слишком поздно искать иные варианты ночлега, и потому позволяю тебе разделить со мной кровать – на эту и только на эту ночь. Моя позиция по этому вопросу не подлежит пересмотру, и теперь, когда я предельно ясно ее изложил, остается только напомнить тебе, что завтра мне предстоит долгая поездка на машине, и потому я рассчитываю, что ты предоставишь мне, хотя бы на вышеуказанном основании, ничем не прерываемый ночной... – на этом месте он выключил свет, – сон.

2

На протяжении каких-то нескольких сотен ярдов город старался прикинуться морским курортом, изобразить из себя нечто похожее на место для отдыха. Между бульваром и пляжем стояли двадцать кабинок для переодевания, неряшливо выкрашенных блеклыми оттенками желтого, зеленого и синего. Палатка с мороженым и сахарной ватой. Шезлонги напрокат. Во всем чувствовались какая-то натужность и вялость. Затея выдохлась, не успев начаться. Отдыхающие приезжали сюда редко, комнаты в многочисленных пансионах пустовали круглый год – даже в то время, которое здесь маскировалось под разгар летнего сезона. Вот и сегодня, в этот теплый, чуть ветреный воскресный день на исходе июня, когда пакеты из-под чипсов безутешно шуршали вдоль оштукатуренных стен общественной уборной, а чайки меланхолично качались на тошнотворно вздымающихся и опадающих волнах, на пляже виднелись всего две фигуры. Девушка лет двадцати с длинными волосами густого угольного оттенка – она стояла в нескольких футах от кромки воды, скрестив на груди обнаженные руки, и смотрела в морскую даль. И женщина, лет на пятнадцать-двадцать постарше, – она сидела на скамейке у пляжной кабинки, рядом лежало аккуратно сложенное пальто, а у ног стоял чемоданчик. Глаза ее были закрыты, лицо обращено к солнцу, изредка мелькающему меж облаков.

Девушка повернулась и побрела по гальке. Остановилась, нагнулась, подобрала камешек причудливой формы и уронила. Потом пнула банку из-под пепси, и стук заставил ее внезапно осознать, какой тихий сегодня выдался день.

Женщина постарше открыла глаза и оглянулась.

Скамеек на пляже было три: одна изуродована и покорежена до неузнаваемости; на другой спал мужчина средних лет с лиловым лицом и спутанной бородой, от его одежды пованивало затхлостью, в правой руке он сжимал банку с сидром повышенной крепости.

Девушке хотелось сесть.

Помешкав, она спросила:

- Вы не против, если я сяду?

Женщина улыбнулась, покачала головой и пододвинула к себе пальто.

На скамейке молча сидели две женщины.

Та, что постарше, очень устала. Весь путь от железнодорожной станции она проделала пешком, неся в руках чемодан. По дороге она обливалась потом и проклинала туфли, купленные всего две недели назад, - теперь ей казалось, что они на полразмера малы. Добравшись до скамейки, женщина скинула туфли - на коже остались резкие красные вмятины. Она сгибала и разгибала пальцы, наслаждаясь свободой, пока не поняла, что девушка смотрит на ее ноги - пристально, почти замороженно. Женщина быстро скрестила ноги и спрятала под скамейку, подальше от глаз девушки. Она ненавидела свои грубые, мужеподобные ступни и широкие лодыжки; ненавидела выражение, с каким рассматривают ее ноги люди, особенно женщины, и особенно (как в данном случае) женщины, которые ей нравятся.

Смутившись, девушка перехватила ее взгляд и улыбнулась, застенчиво и виновато. Стало очевидным: разговор неминуем.

- Если вы ищете место для ночлега, - осмелилась заговорить девушка, - я могла бы вам помочь. Могу кое-что посоветовать.

- Да?...

Девушка назвала пансион неподалеку.

- А чем он отличается от остальных?

Девушка рассмеялась.

- Да ничем. Только тем, что им заправляет моя мать.

Женщина улыбнулась.

- Что ж, спасибо, но я не ищу ночлег.

- Просто я увидела ваш чемодан...

- Я уезжала, - сказала женщина. - И только что вернулась.

Из-за тона, каким было сказано это «я уезжала», девушка решила, что речь идет не об отпуске. Скорее - о ссылке.

- А, - сказала девушка. - Долгое путешествие?

- Две недели в Италии. Сан-Ремо. Очень славно.

Значит, она ошиблась.

- А живете вы здесь?

Вопросы начинали казаться женщине несколько прямолинейными. У нее мелькнула дикая мысль: вдруг девушка завязала беседу намеренно - чтобы, как говорится, «снять» ее?

Женщина решила проверить свою гипотезу полной откровенностью – рассказать все, о чем ее просят, и посмотреть, что из этого выйдет.

– Милях в трех отсюда, если идти вдоль берега, – ответила она. – В клинике Даддена. Я там работаю.

– Правда? Вы врач?

– Психолог. – Женщина нашарила в сумочке бумажный платок и вытерла лоб. – Вы знаете это место?

– По-моему, да. Клиника ведь там недавно?

– Два года. Чуть больше.

– А что это... за больница?

– Мы лечим людей с нарушениями сна. Точнее, пытаемся лечить.

– Вы имеете в виду тех, кто разговаривает во сне и всякое такое?

– Людей, которые разговаривают во сне; людей, которые ходят во сне; людей, которые спят слишком много; людей, которые спят слишком мало; людей, которые забывают дышать во сне; людей, которым снятся страшные сны...
Всяких.

– Раньше я разговаривала во сне.

– У детей это нормально.

Женщина взглянула на часы: через четыре минуты к прибрежной остановке должен подойти автобус. Она нагнулась, втиснула в туфли саднящие ноги. Затем открыла сумочку:

– Вот моя визитная карточка. Кто знает, может, когда-нибудь навестите клинику. Вас радушно встретят, если вы назовете мое имя.

Девушка не знала, что на это ответить, – ей еще никогда не вручали визиток.

– Большое спасибо, – выдавила она наконец и взяла картонку.

Когда женщина прощалась, в ее глазах девушке почудилось разочарование – и не та мимолетная досада от несбывшегося пустяка, а куда более глубокое привычное чувство. Ссутулившись, женщина побрела к дороге, руку ей оттягивал чемодан. Девушка посмотрела на визитную карточку и прочла: «Доктор К. Дж. Мэдисон, психолог, клиника Даддена». Ниже стояли номера факса и телефона.

Женщина забыла спросить ее имя. Но она все равно бы его не назвала.

Девушка торопливо шагала к пансиону матери, голова ее шла кругом.

* * *

Эшдаун, огромный, серый, внушительный, высился на мысу в каких-то двадцати ярдах от отвесной скалы; он стоял здесь уже больше ста лет. Целыми днями вокруг его спилюй и башенок с хриплым причитанием кружили чайки. Целыми днями и ночами о каменную преграду неистово бились волны, порождая в студеных комнатах и гулких коридорах старого дома непрерывный рев, словно где-то рядом неслись тяжелые грузовики. Даже самые необитаемые уголки Эшдауна – а необитаемы ныне большинство из них – никогда не ведали тишины. Наиболее приспособленные для жизни помещения скучились на втором и третьем этажах, окна выходили на море, и днем комнаты заливал холодный свет. В Г-образной кухне на первом этаже было три маленьких окошка и низкий потолок, отчего там всегда царил полумрак. Суровая красота Эшдауна, противостоявшая стихии, попросту маскировала то, что дом, в сущности, был непригоден для жизни. Соседские старики могли припомнить – не слишком веря своим воспоминаниям, – что некогда особняк принадлежал семье из восьми-девяти человек. Но три десятилетия назад дом приобрел новый университет, и какое-то время там располагалось студенческое общежитие, потом студентов переселили в другое место, а особняк передали доктору Даддену – под частную клинику и лабораторию сна. В Эшдауне имелось место для тринадцати пациентов – население столь же переменчивое, как и океан, что начинался у подножия скалы и тянулся до самого горизонта, в болезненном беспокойстве вздымая зеленые волны.

* * *

Следующим утром доктор Дадден стоял рядом с комнатой, где его коллега проводила занятия с тремя пациентами, и прислушивался к голосам, доносившимся из-за двери. Доктор Дадден напрягся от неодобрения: в комнате царило разве что не буйство. Одновременно говорили несколько человек, их болтовня перемежалась взрывами хохота, среди которых отчетливо различался низкий смешок доктора Мэдисон. Смех стих, и доктор Мэдисон заговорила; ее монолог длился, быть может, с полминуты, затем снова волна за волной стал накатывать визгливый хохот, его сопровождали хлопки по столу и прочие признаки безудержного веселья. Доктор Дадден отошел от двери, его трясло от гнева. Уже давно по клинике ходили слухи, что пациентам нравятся занятия у доктора Мэдисон, и вот оно – наглядное доказательство. Возмутительно и, более того, антинаучно. Дальше такое терпеть нельзя.

В полдень доктор Дадден вызвал доктора Мэдисон в свой кабинет – сумрачную комнату в задней части дома, с окнами на неухоженный садик. Половину самой большой стены занимал огромный календарь-сетка, рядом висел поэтажный план дома, где комнаты-гостиные и спальни были помечены именами пациентов. На четырех полках стояли учебники и подшивки журналов, остальные три стены закрывали – вряд ли тут уместно слово «оживляли» – плакаты фармацевтических компаний и американских производителей программного обеспечения. Из кассетного магнитофона негромко лилась барочная клавишная музыка.

– Вы принесли с собой АОС? – первым делом спросил доктор Дадден.

Анкету Осмысления Сна разработал он сам: каждое утро пациенты должны были оценивать по пятибалльной шкале минувшую ночь. Не мучились ли они ночью лихорадочными мыслями, ходили ночью в туалет или нет, не учащался ли пульс и не подергивались ли ноги, снились ли кошмары, не изводила ли бессонница – и еще более восьмидесяти вопросов. Анкету полагалось заполнять в начале каждого утреннего занятия, и на ее основе строилось дальнейшее обсуждение.

– Нет, – ответила доктор Мэдисон.

– Я нахожу это слишком необычным.

– У нас не было времени ответить на все вопросы.

– Я нахожу это еще более необычным, – сказал доктор Дадден, – судя по тому, что я слышал, у вас имелось достаточно времени на шутки, смешки и сплетни, словно вы скопище прачек.

Скопище прачек? – удивилась доктор Мэдисон, но не стала заострять внимание.

– Поскольку вас с нами не было, – сказала она, – то полагаю, вы подслушивали под дверь. А поскольку вы подслушивали под дверь, то полагаю, не могли слышать, о чем именно шел разговор. Иначе бы вы поняли, что наша беседа имела прямое отношение к работе клиники.

Она сделала едва заметный ледяной акцент на слове «работа», но доктор Дадден либо не обратил внимания, либо сделал вид, что не обратил.

– Речь не об этом, – сказал он. – Я охотно верю, что в процессе этих... бесед вы не выходите за рамки нашей темы. Но позвольте вам напомнить, что вы являетесь наемным работником и нанял я вас, чтобы вы исследовали эту тему с точки зрения клинической психологии, а не с точки зрения артиста разговорного жанра.

– Я не вполне понимаю, – сказала доктор Мэдисон, рассеянно разглаживая юбку.

– Несколько минут назад я имел беседу с мисс Грэнджер – это одна из пациенток, которая сегодня утром присутствовала на вашем занятии. Я спросил ее о причине веселья, и с некоторой неохотой пациентка ответила. А если быть точным, она передала ваши слова. – Он наклонился и прочел запись в блокноте: – «Каждый вторник доктор Дадден приглашает пациентов клиники послушать его лекцию в университете. На этой неделе она была такой скучной, что даже страдающие нарколепсией не смогли на ней заснуть». – Он посмотрел на доктора Мэдисон. – Вы будете отрицать, что произносили эти слова?

– Нет.

– Вероятно, вы думали, что я сочту их личным оскорблением. И я их таковым счел.

– Это всего лишь шутка.

– Понимаю. Поверьте, доктор Мэдисон, я умею ценить шутки. В таком случае позвольте спросить, считаете ли вы саму нарколепсию, по вашему собственному определению, шуткой, или же, подобно мне, считаете ее тяжелым, изнурительным для организма психофизиологическим состоянием, которое доставляет больным множество переживаний и страданий?

– Нарколепсия – моя специальность, доктор, я занимаюсь ею много лет. Вы отлично это знаете. Поэтому я не понимаю, как можно ставить под сомнение мое желание лечить эту болезнь и саму серьезность моего желания. – Доктор Мэдисон вздохнула. – Кроме того, полагаю, вам хорошо известно, что вызываемая смехом катаплексия – один из самых неприятных и социально неудобных симптомов нарколептического синдрома. Мои занятия призваны помочь пациентам справляться со смехом, научить их получать от смеха удовольствие. Я считала очевидным, что юмор – одно из необходимых лечебных средств.

– Остроумное объяснение, – сказал доктор Дадден, выдержав паузу. – Но не удовлетворительное. – Он сложил руки на груди и слегка повернулся на стуле, чтобы не смотреть на доктора Мэдисон. – Вероятно, вы помните, что сегодня утром я проводил занятие с четырьмя пациентами, страдающими инсомнией. Знаете, что бы вы услышали, случайно оказавшись под дверью?

– Вероятно, храп, – ответила доктор Мэдисон, не успев сдержаться.

У доктора Даддена чуть дернулись уголки губ, в остальном он остался невозмутим.

– Я вижу, что апноэ также входит в ваш список тем для шуток. Непременно отмечу и это. – Он сделал вид, будто что-то записывает в блокнот. Доктор Мэдисон смотрела на Даддена со все возрастающим недоумением. – В действительности, если бы вы напрягли слух, то услышали бы скрип карандашей по бумаге, когда пациенты заполняли Анкету Осмысления Сна, а затем – спокойные и рассудительные голоса, которые поочередно сопоставляли и анализировали данные.

Доктор Мэдисон решила, что больше не выдержит ни минуты, и поднялась в надежде на избавление.

– Я поняла вашу мысль, доктор. Если это все...

– Боюсь, не все. Прошу сесть. – Дадден подчеркнуто ждал, когда она снова сядет. – Мне хотелось бы напомнить, что сегодня во второй половине дня вам полагается помочь доктору Голдсмиту в предварительном собеседовании с мистером Уортом. Вам ясно?

– Ясно-то ясно, но, боюсь, это совершенно невозможно. У меня на сегодня назначено несколько встреч, да и накопившиеся долги по...

– Понимаю. – Доктор Дадден взял карандаш и принялся постукивать им по столу, а его щеки слегка порозовели от досады. – Значит, вы упорствуете в своих возражениях?

– Возражениях, доктор?

– Вы уже достаточно ясно продемонстрировали свое отношение к этому пациенту. Или вы забыли разговор, который состоялся перед вашим отъездом?

Доктор Мэдисон ничего не забыла, хотя разговор тот был лишь последним в длинной череде ожесточенных стычек. Как-то раз доктор Дадден показал ей статью в «Индепендент», подписанную независимым журналистом Терри Уортом, который, похоже, работал на несколько крупных газет. Его статьи, как правило, были посвящены кино, но иногда он отвлекался и на более общие темы. В той статье Уорт объявлял о своем намерении принять участие в конкурсе «Синефон», объявленном одним лондонским кинотеатром. Десять дней в кинотеатре круглые сутки будут крутить фильмы, а приз получит зритель, который продержится дольше всех. Признавшись, что уже давно страдает бессонницей, Уорт утверждал, будто сможет продержаться без сна все 134 фильма. Прочитав это заявление, доктор Дадден немедленно обратился в газету и попросил связать его с Уортом.

– Подумайте, какие возможности для исследований, не говоря уж обо всем остальном! – восторгался он перед доктором Мэдисон. – Как только конкурс закончится, мы привезем его сюда. Сразу же отведем ему спальню, а там – семь

электродов для оценки нарушений и архитектуры сна, шестнадцать каналов для записи ЭЭГ, все фиксируется на оптическом диске... ну и подробная анкета, разумеется. Это беспрецедентная возможность увидеть, как воздействуют образы масс-медиа на сон.

- Это единственная причина? - спросила тогда доктор Мэдисон.

- Это достаточная причина. А на что вы намекаете?

- Просто подумала, не посетила ли вас мысль, что материал этот тянет на сенсацию. Мистер Уорт оплатит свое лечение?

- Это не имеет отношения к обсуждаемому вопросу.

- И напишет ли он о нас? Это входит в сделку?

- Нет никакой сделки, доктор Мэдисон. И ваши инсинуации я нахожу оскорбительными. Но даже если и так, я попросил бы вас иметь в виду, что клиника в значительной степени является частным предприятием и мы зависим от денег пациентов. А потому нет ничего предосудительного в том, чтобы время от времени возбуждать скромный общественный интерес. - Он открыл ежедневник на странице, заложенной синей ленточкой. - Мистер Уорт прибудет в понедельник через две недели, ближе к полудню. Вы возвращаетесь из отпуска днем раньше, поэтому я предлагаю вам и доктору Голдсмиту провести собеседование с новым пациентом во второй половине дня. Так я записываю вас?

- Как хотите, - сказала доктор Мэдисон, безразлично пожав плечами.

И вот теперь доктор Дадден вспомнил об этих дерзких словах и об этом дерзком жесте и едва не затрясся от ярости.

- Не надейтесь, - проговорил он, - ни минуты не надейтесь, будто моя доброжелательность неистошима.

- Мне и в голову не приходила подобная мысль, - сказала доктор Мэдисон.

После нескольких секунд молчания она поняла, что разговор окончен. Доктор Мэдисон вышла и аккуратно закрыла за собой дверь.

* * *

После полуночи доктор Мэдисон лежала без сна, в открытое окно задувал теплый ветерок, комнату заливал лунный свет. С нижней террасы донеслись шаги. Она встала, накинула халат и подошла к окну. Внизу, опершись о перила, стоял человек и курил. В темноте появлялся и исчезал золотистый огонек, булавочный укол света. Человек вовсе не выглядел опасным. И не походил на грабителя. Доктор Мэдисон решила спуститься на террасу и выяснить, кто это.

За дверью на нее налетела Лорна – со встревоженным лицом лаборантка мчалась по коридору.

– Надо разбудить доктора Даддена, – быстро сказала Лорна. – Что-то странное творится. Я поместила пациента в спальню номер девять и час назад уложила его спать. Какое-то время за ним понаблюдала, но он никак не засыпал. Но все шло нормально. Лежал себе спокойно. И я пошла приготовить чаю, а когда вернулась, он исчез.

– Исчез? Вы хотите сказать, он сам снял с себя электроды?

– Похоже...

– Девятая спальня – там ведь мистер Уорт, так?

Доктор Мэдисон поспешила туда и обнаружила полное соответствие описанию Лорны: кровать пуста, простыни скомканы, паутина проводов и электродов в изголовье кровати, на подушке – следы клея. Происшествие в высшей степени необычное: хотя страдающие инсомнией часто порывались встать среди ночи, им редко удавалось ускользнуть от бдительного ока лаборантов.

– Не волнуйтесь, – сказала доктор Мэдисон. – Я, кажется, знаю, где мистер Уорт. Пойду поговорю с ним.

– А как насчет доктора Даддена?

- Не надо его будить. И, наверное, не стоит ему об этом знать.

Она направилась в гостиную с двустворчатыми дверями, выходящими на террасу. В темноте проступал силуэт человека. Хотя двери на террасу открывали регулярно, проржавевшие петли неприятно скрипнули. Человек вздрогнул и быстро обернулся. Доктор Мэдисон шагнула в тень. Даже в такой темноте лицо курильщика сияло бледнее луны.

На террасе имелись лампы, но доктор Мэдисон не стала их включать.

- Mister Уорт, полагаю? - спросила она.

- Совершенно верно.

На нем, как и на ней, были пижама и халат.

- Я доктор Мэдисон, Пятница доктора Даддена. - Она замолчала, наблюдая, как он отреагирует на ее слова, заметит ли насмешку. Лунное сияние и уголек сигареты освещали лицо, и можно было разглядеть намек на улыбку. - Похоже, вы покинули свой пост.

- Да, не могу заснуть.

- Мы этого от вас и не ждем.

- Ну так я и не сплю.

- И все же надо было спросить разрешения, тут у нас так полагается.

- Да, мне говорили, но я не знал, что все настолько серьезно.

- Оборудование, к которому вас подключали, очень чувствительное и очень дорогое. Кроме того, у вас в волосах клей, и вряд ли это приятно.

Человек осторожно коснулся волос и поморщился от отвращения.

- И правда. Прошу меня извинить. Надеюсь, я ничего не сломал.

- Пока нет. Но дело не в этом. Нам бы очень не хотелось, чтобы пациенты гуляли после наступления темноты. Я думала, это вам тоже кто-нибудь разъяснил.

Рядом сердито грохотал океан. Волны бились о скалы с усталым разнобоем. С минуту человек прислушивался к их шуму, потом сказал:

- Мне нужно как-то расслабиться.

- Понимаю. Не волнуйтесь, мистер Уорт. Я не собираюсь оставлять вас после уроков и заставляю сто раз писать какую-нибудь ерунду.

Он рассмеялся:

- Зовите меня Терри, ладно?

- Спасибо. Так и поступлю. - Но, вопреки ожиданиям Терри, доктор Мэдисон не предложила называть ее по имени. - Вы выдержали?

- Простите?

- Киномарафон. Десять дней. Сто тридцать четыре фильма. Как все прошло?

- А-а. Да, выдержал. Никаких сложностей. Думаю, попаду в Книгу рекордов Гиннеса.

- Поздравляю.

Терри видел, что доктор Мэдисон хочет уйти, но ее что-то удерживает - какое-то не вполне осознанное желание продолжить разговор.

- Доктор Дадден обрадуется, - сказала она. - Вы успели стать его любимчиком.

- Да?

- Видите ли, это его область. Бессонница. - И после паузы: - Крысы.

- Здесь? - удивился Терри.

- Нет-нет, он использует крыс в своей работе. Не дает им спать и смотрит, что из этого выходит.

- Милое хобби. И что же выходит?

- Они умирают. Но их жизни не пропадают втуне, потому что список работ доктора Даддена увеличивается на одну-две статьи.

- У меня такое ощущение, - сказал Терри, - что Пятница доктора Даддена - не из числа его преданных слуг.

- Кстати, все, что я вам говорю, не для его ушей.

- Разумеется.

Несмотря на это заверение, доктор Мэдисон чуть отступила, окутав себя еще более густой темнотой. Теперь он совсем не различал ее лица.

- Понимаете, он не занимается лечением, - сказала она. - Его интересует лишь чистая наука. Он вас не вылечит.

- Он, может, и не вылечит, - сказал Терри, - но это место вполне способно.

На какое-то мгновение глухой рокот волн пробил тишину, и они осознали, что по лунному небу быстро несутся облака, а внизу волнуется бескрайний океан. Затушив сигарету, Терри облизнул губы, наслаждаясь соленым привкусом.

- Да, у этого дома особая... атмосфера, - сказала доктор Мэдисон. - Хорошо успокаивает. Вы долго здесь пробудете?

- Записался на две недели, - ответил Терри. - Но я имел в виду другое. Есть причина, почему я считаю, что смогу здесь... не то чтобы вылечиться, но...

Он замолчал. Доктор Мэдисон ждала.

- Видите ли, я когда-то здесь жил.

- Жили?

- Недолго. В студенческие годы. Двенадцать лет назад. И с тех пор здесь не бывал. Отчасти именно поэтому... точнее, в основном поэтому я и решил сюда приехать. Из любопытства.

- В таком случае, у вас с доктором Дадденом есть кое-что общее, - заметила она.

- То есть?

- Он тоже здесь жил, когда был студентом.

- Правда? Когда?

- Не думаю, что вы пересекались.

- Кто знает. Как его зовут?

- Грегори.

- Грегори Дадден... Нет, не помню такого имени. - Терри молчал, погружившись в воспоминания. - У меня в те дни была знакомая девушка... Странно, но я с тех пор почти о ней не вспоминал, а когда увидел Эшдаун... все это вернулось. Во всяком случае... Уж ей-то здесь самое место, потому что она страдала самым странным... наверное, вы назвали бы это синдромом.

- Каким?

- Она видела сны - невероятно реальные сны, такие реальные, что не могла отличить их от яви.

- Гипнагогические галлюцинации, – кивнула доктор Мэдисон. – Их еще называют сновидениями, предшествующими сну.
- У них даже есть название? Вы хотите сказать, что это распространенное явление?
- Нет, не слишком. Такие сны могут быть одним из симптомов нарколепсии. Она страдала нарколепсией?
- Точно не скажу.
- Вы хорошо ее знали?
- По-моему, да. Мы жили вместе – но всего несколько недель, сразу после выпуска.
- Жили вместе, то есть...
- Нет-нет, я всего лишь имею в виду, что мы жили в одной квартире. Мы никогда... – Повисла пауза, двусмысленная, полная беспечности и сожаления. – Ее звали Сара. – В голосе Терри проскользнула нежная и задумчивая нотка, но уже через мгновение он энергично добавил: – Простите. Я, наверное, вас задерживаю. Должно быть, вы устали.
- Вообще-то нет. А вы?
- Терри резко хохотнул.
- Я постоянно чувствую усталость и никогда не чувствую усталости. Боюсь, в этом мое проклятие. Я определенно не хочу спать. И впереди у нас целая ночь...
- Вот и хорошо, – согласилась доктор Мэдисон. – Расскажите мне о Саре и ее снах.

– Расскажи мне о своих снах, – попросил однажды Грегори, сидя на той же террасе ясным ноябрьским утром много лет назад. – Скажи, давно они тебе снятся?

Сара грела ладони о кружку, слегка поеживаясь от морского бриза, и с нежностью смотрела на Грегори. Дело происходило в самом начале их романа, задолго до расставания. Ей в те дни еще казалось, что он добрый и ласковый, она считала его мудрым и понимающим. Сидя на террасе, инстинктивно подавшись к нему так, что их колени соприкасались, она чувствовала, как все ее тревоги рассеиваются. Сара забыла, что в последнее время они все чаще ссорились, и повод для ссоры каждый раз оказывался все мелочнее. Что до секса, то она убеждала себя, что со временем все наладится. Сара старалась не обращать внимания на то, что Грегори записывает ее слова в блокнот, на обложке которого значится: «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ САРЫ».

Сара пребывала в возбуждении – только что они с Грегори сделали важное открытие. Они нашли объяснение феномену, который последние пять с лишним лет неизменно ставил Сару в тупик. В то самое утро они обнаружили, что она не отличает сны от реальных воспоминаний.

– Расскажи мне о своих снах, – попросил Грегори. – Скажи, давно они тебе снятся?

И тогда Сара сделала глубокий вдох и все рассказала.

* * *

Все началось, заговорила Сара, когда ей было лет четырнадцать или пятнадцать. В школе она чувствовала себя несчастной, часто не делала домашних заданий, боялась учителей, в особенности – историка, некоего мистера Маунтджоя. Как-то раз, в конце трудного вечера, Сара поняла, что не может написать реферат о причинах Франко-прусской войны, который на следующий день следовало зачитать в классе вслух. И тогда в слезах она легла спать, от отчаяния решив прогулять школу или сказать себя больной. Но вместо этого утром Сара проснулась с удивительно радостным чувством: она ясно помнила, что работа написана, и написана просто замечательно; она помнила,

как выглядят четыре с половиной исписанные страницы школьной тетради, на третьей – несколько исправлений, но в целом работа смотрится очень аккуратно и симпатично, а заголовок дважды подчеркнут красными чернилами, и в конце реферата даже есть несколько сносок – для солидности. И лишь в половине двенадцатого, сразу после большой перемены, раскрыв тетрадь, Сара обнаружила, что реферат непостижимым образом исчез. Во всяком случае, именно к этому выводу Сара в конце концов пришла. Поначалу-то она подумала, что попросту сглупила и написала реферат в другой тетради, – стала лихорадочно рыться в портфеле, просматривая тетради по английскому, географии и французскому. Паника ее нарастала столь явно и шумно, что мистеру Маунтджою пришлось прервать оратора на полуслове и спросить, в чем дело. Сара объяснила, что, видимо, оставила работу в шкафчике, и попросила разрешения сходить за ней, но судорожное изучение тетрадей по математике, немецкому, физике и биологии в непривычно тихой раздевалке ничего не дало – злосчастный реферат на свет так и не явился. И тогда в замешательстве, на грани истерики, Сара выскочила из школы и понеслась в городской парк, где, обхватив голову руками, тщетно пыталась найти смысл в последовательности случившихся событий. Именно в тот день она впервые усомнилась в собственном душевном здоровье. Реферат так и не нашелся, и Сару на неделю исключили из школы (мистер Маунтджой не поверил ни слову из ее рассказа). Все вскоре забыли об этом случае, но сама Сара не забыла ничего и никогда никому не рассказывала о происшествии, хотя с тех пор с ней время от времени случались похожие неприятности. Однажды, несколько семестров спустя, Сара резко отчитала свою лучшую подругу Анджелу за то, что та не пришла к бассейну в условленное время, – Анджела отрицала, что они договаривались о встрече, и эта ссора породила в их дружбе трещину, которая так и не затянулась. Был еще один случай, когда Сара озадачила родителей, зайдя по дороге из школы в аптеку и купив там – как она уверяла, по настоятельной просьбе матери – шесть тюбиков зубной пасты для курильщиков, десять пакетиков ароматической смеси и чуть ли не годовой запас всевозможных суппозиторий.

Хотя Сара стыдилась признаться в этом даже родным и самым близким друзьям, она все больше убеждалась, что является жертвой галлюцинаций, ярких, неконтролируемых полетов фантазии, которые поначалу она никак не связывала со снами (поскольку сны, которые Сара помнила, имели мало отношения к реальности, а больше походили на фантастические и гротескные картинки – ей часто снились кошмары, например, со змеями или, самые страшные, с лягушками). И только тем утром, на террасе, истина предстала перед ней – не без помощи Грегори. Несмотря на то что Сара была расстроена вчерашней ссорой, в каком-то смысле она была благодарна этой размолвке, потому что

именно ссора и ее странные последствия позволили наконец раскрыть тайну.

Неприятности начались накануне днем, когда Грегори сказал, что их пригласили в местный ресторан (точно не известно, в какой именно) отметить день рождения одного студента-медика – некоего Ральфа, которого Грегори и знал-то так себе. Сара спросила, лично ли ее пригласили, и Грегори признал, что нет. Насколько ему было известно, Ральф не в курсе, что они любовники, и просто предложил Грегори привести кого-нибудь с собой.

– Ну ясно, – вздохнула Сара.

Грегори спросил, что она имеет в виду, и она рассказала, что когда-то была дружна с Ральфом, но несколько месяцев назад произошел неприятный инцидент, после которого они не разговаривают.

– Знаешь рыбный ресторан у бухты? – спросила она. – «Планетарий» называется.

Своим названием ресторан был обязан куполообразному потолку-своду, на котором местный художник изобразил ночное небо.

– Так вот, он однажды меня туда пригласил. Только меня и своих родителей, которые приехали на выходные. Бог знает, почему именно я удостоилась такой чести. Думаю, Ральф немного был в меня влюблен. Во всяком случае, дело происходило в субботу, ресторан был переполнен, и концу ужина, когда мы уже пили кофе, я почувствовала себя нехорошо. По-настоящему нехорошо. Думаю, виноваты были мидии. Я сбегала в туалет, решив, что меня вывернет, но ничего не случилось, и я снова поднялась в зал. Все уже собрались уходить, а я чувствовала себя ужасно, но все равно мы надели пальто и вышли на крыльцо, где собирались попрощаться – его родители возвращались в гостиницу. И вот мы стояли, болтали, прощались, и я вдруг поняла, что меня сейчас вырвет. Немедленно. И понятное дело, прямо посреди разговора, без всякого предупреждения, я согнулась надвое и облевала все ступени. Все, что я съела, разлетелось по крыльцу ресторана на всеобщее обозрение. Но самое удивительное – Ральф и его родители ни на секунду не прервали разговор. Вот что значит настоящее воспитание. Они вели себя так, словно ничего не случилось. Только мать Ральфа протянула мне платок, чтобы я вытерла рот. Они еще пару минут болтали, договариваясь, куда пойти на следующий день, потом поцеловали Ральфа на прощанье, а затем его отец потянулся ко мне, чтобы

поцеловать меня, и тут это случилось снова: не успела я опомниться, как опять забрызгала всю лестницу, но теперь угодила на брюки и ботинки его отца. И даже после этого они глазом не моргнули. Ни слова не сказали. Родители поблагодарили Ральфа за прекрасный вечер и пошли в одну сторону, а мы – в другую, и он лишь спросил: «Теперь с тобой все в порядке?» Холодным таким тоном. В общем, сели мы в такси и вернулись в студгородок и даже не поцеловались на прощанье. Мне показалось, что Ральф счел происшествие забавным – в неприятном смысле этого слова, потому что у его родителей есть шик, а у меня шика нет. Вот он и решил, будто я весьма забавным образом продемонстрировала, чем отличается низшее сословие от высшего.

– Ты несправедлива к Ральфу, – сказал Грегори. – Я не очень хорошо его знаю, но уверен, что это не в его характере.

– Тогда почему он с тех пор ни разу со мной не заговорил?

Ответа у Грегори не было, но следующие несколько часов он потратил на то, чтобы заверить Сару: она может смело отправляться на день рождения Ральфа. Но и без четверти восемь, когда они подъехали к общежитию, ее не покидали сомнения.

– А что, если он поведет всех в тот же самый ресторан?

– Ну и что?

– Мне будет неловко.

– Меня не покидает мысль, что ты принимаешь все это слишком близко к сердцу, Сара.

Они уже поднимались по лестнице.

– Тебе легко говорить. Но дело в том, что я знаю, я просто знаю, что это происшествие сильно позабавило его друзей. Могу себе представить, как он рассказывает им эту историю и все громко смеются. У них это будет дежурная шутка.

– Че-пу-ха, – подчеркнуто заявил Грегори. Они уже находились в коридоре. – Я учусь на психиатра, Сара. Моя специальность – человеческий разум. И если я хоть что-то смыслю в человеческой природе, то гарантирую, что об этом случае Ральф не рассказал ни одной живой душе. Все это – еще один пример твоей паранойи.

Остановившись у нужной двери, Грегори сорвал приколотую к двери записку и прочел ее вслух.

– Друзья Ральфа, – прочел он, – встречаемся в восемь тридцать в «Блевунарии».

С этого места версии Грегори и Сары расходились, хотя выяснилось это только на следующее утро, когда Сара проснулась, довольно рано, и обнаружила, что Грегори рядом с ней нет. Она встала и отдернула занавески. Посмотрела вниз и увидела, что он сидит на террасе, в застегнутом на все пуговицы синем драповом пальто, и смотрит на море.

Сара что-то накинула на себя и спустилась в кухню, где приготовила две кружки кофе. Она вынесла кофе на террасу, пройдя через высокие окна-двери в общей гостиной с телевизором.

– Прошу, – сказала она, ставя кружку на стол рядом с блокнотом, в который Грегори что-то записывал. – Похоже, ты совсем замерз. Что-то случилось?

– Не мог заснуть, – сказал Грегори, с благодарностью отпивая кофе. – Точнее, отвратительно спал всю ночь.

– Да?

– Да. Ты меня все время будила.

– То есть? – удивилась Сара.

– Ты не давала мне заснуть. Разговаривала во сне.

– Что я делала?

– Разговаривала во сне.

– Раньше такого не было.

– Значит, этой ночью началось.

– Правда? И что же я говорила?

– Не знаю. – Он протяжно зевнул и нахмурился. – О том, будто что-то нужно запекать в печи, по-моему.

– Как странно.

– Очень. – Кофе отчасти вернул Грегори к жизни. – Ну что, как тебе в итоге понравился вчерашний вечер?

– Нормально, – ответила Сара после секундного удивления.

– Должен заметить, Харриет мне понравилась, – подтолкнул ее Грегори.

– Харриет?

– Да. Мне она показалась забавной. Благодаря ей вечер удался.

– Ты о ком?

Грегори бросил на нее взгляд – очень нетерпеливый взгляд.

– О Харриет. Новой подружке Ральфа. Ты весь вечер сидела рядом с ней.

– Сидела рядом с ней? Где?

– В ресторане.

Сара подула на кофе. Она решила, что Грегори затеял какую-то скучную игру.

– Я не понимаю, о чем ты.

– Послушай, – раздраженно сказал Грегори. – Это всего лишь мимолетное замечание. Не надо меня казнить за то, что я благожелательно отозвался о другой женщине.

– Ну, поскольку я не знакома с этой другой женщиной, мне вряд ли есть что сказать.

Грегори повернулся к ней:

– Я говорю о вчерашнем вечере, Сара. Я говорю о женщине, рядом с которой ты сидела и с которой ты весь вечер разговаривала.

Ничего не ответив, Сара встала и ушла с террасы, предоставив Грегори злиться и пить кофе. Она угрюмо решила для себя, что он нарушил неписанный закон всех любовников. Когда через десять минут Сара вернулась, Грегори выглядел встревоженно и виновато. Она бесшумно села рядом и сказала:

– Знаю, тебе это покажется странным, но я совершенно не помню вчерашний вечер в ресторане. Помню совсем другое – ничего общего с тем, о чем ты рассказываешь.

Грегори внимательно смотрел на нее.

– Последние годы, еще с детства, со мной то и дело происходят странные вещи. Я помню события не такими, какими они были на самом деле. Я фантазирую. Я выдумываю. Я не знаю, как это происходит. Я никому об этом не говорила. Тебе первому. А тебе говорю потому, – она взглянула на него, и ее голос дрогнул, – что я тебе доверяю. Потому что я тебя люблю.

Грегори поджал губы, и ей на мгновение почудилось, будто он хочет ее поцеловать. Но Грегори взял ручку, раскрыл блокнот и нетерпеливо пролистал в поисках чистой страницы.

– Это же потрясающе! – воскликнул он. – Ты хочешь сказать, что совершенно не помнишь, что происходило в ресторане? Не помнишь, как сидела рядом с

Харриет? Не помнишь, как пела «С днем рожденья»? Не помнишь, как заказывала морского черта?

Сара наморщила лоб.

- Не знаю... Что-то помнится... очень смутно. Но есть и другое воспоминание, гораздо сильнее.

- Что-то вроде альтернативной памяти?

- Да. Наверное.

- Так это же, - прошептал Грегори, лихорадочно записывая, - здорово. Охренеть как здорово. Такая удача выпадает не каждый день. Так что, по твоему мнению, произошло вчера вечером?

Воспоминания Сары и Грегори совпадали лишь до записки, приколотой к двери Ральфа. Дальше, по ее утверждению, между ними произошла бурная ссора и Сара отказалась идти в ресторан. Грегори пошел один, а Сара направилась в популярную у студентов забегаловку «У Ионы».

- В котором часу ты туда пришла? - спросил Грегори, продолжая записывать.

- Не знаю, где-то около восьми.

- И сколько времени провела там?

- Не так уж и мало. Ведь мне больше нечего было делать. Около часа.

- А что ты ела?

- Зачем эти вопросы? Разве это имеет значение?

- Все имеет значение. Очень важно установить, насколько яркой была эта... галлюцинация. Так что ты ела?

- Суп. Просто суп.

- Просто суп? Ты была не голодна?

- Там уже мало что осталось из еды. А брать дежурное блюдо мне не хотелось.

- А что это было за блюдо?

- Картофельная запеканка с мясом либо печенка.

Грегори резко перестал писать и уставился на нее – глаза его блеснули.

- Но ведь именно это ты говорила ночью.

- Что говорила?

- Мне показалось, что-то вроде «запекать в печи», но на самом деле ты говорила про запеканку и печень. – Грегори бросил ручку и рассмеялся – не столько весело, сколько торжествующе. – Сара, тебе все приснилось! Ты видела все это во сне.

Потребовалось всего несколько минут, чтобы убедить Сару, что это – самое рациональное, самое правдоподобное, а точнее единственно возможное объяснение. Таким образом Сара и узнала, что она вовсе не жертва галлюцинаций – просто ей регулярно снятся столь яркие сны, что она не может отличить их от реальности; столь яркие, что способны стереть реальность из памяти, и ее приходится вспоминать сквозь сон, извлекать из-под сна, смотреть сквозь его мутную поверхность, словно пытаюсь найти на палимпсесте первоначальную надпись.

- Теперь все понятно, – задумчиво сказала Сара. – Понятны все странности, что со мной случались. Все недоразумения...

- Значит, такое происходило и раньше? – спросил Грегори. – Тебе уже снились подобные сны?

- Да. И не раз.

Грегори перелистнул страницу и аккуратными, миниатюрными прописными буквами вывел заголовок.

– Так давай же, Сара, – сказал он с нервной улыбкой. – Расскажи мне о своих снах.

* * *

Спустя одиннадцать месяцев отношения Сары и Грегори подошли к финалу – в первые дни нового семестра. Сара спала все хуже, ее сон, и в лучшие времена не отличавшийся стабильностью, в те дни стал совсем неустойчивым, и она все неуверенней отделяла сны от реальности.

Иногда, в моменты сильного душевного волнения, сны полностью подменяли жизнь, столь отчетливыми и правдоподобными они были. Один из них пришелся на ночь ее разрыва с Грегори. Совершенно того не подозревая, Сара заснула уже через несколько минут после того, как нехотя легла в постель. С неестественной быстротой она погрузилась в глубокий сон, и та ночь сопровождалась самой предательской из иллюзий. Когда на следующее утро Сара проснулась, подробности сна отложились у нее в сознании ярким, горько-сладким воспоминанием. У нее не возникло сомнений, что все так и обстояло на самом деле.

Несмотря на обидный и напыщенный монолог Грегори, несмотря на самого Грегори, который, громко посапывая, лежал рядом, снился Саре вовсе не он. Ей снился Роберт, новый знакомый, с которым она повстречалась в кухонном закутке. Ей снилось, что Роберт очень страдает и лишь она знает, в чем причина его страданий. Саре снилось, будто у него умерла сестра.

На следующее утро она рассчитывала встретить Роберта за завтраком, однако он не появился. Грегори в десять утра, не попрощавшись, уехал в Лондон, а Сара отправилась в студенческую библиотеку, где просидела несколько часов, тщетно пытаясь сосредоточиться. Отчасти ее мысли занимал Грегори, но в основном она думала о Роберте. Сара спрашивала себя, как он переживает страшное известие. Наверное, уже уехал домой – утешить родителей, подготовиться к похоронам.

Она просидела в библиотеке до четырех часов дня, размышляя о том, сколь неудачный оборот приняли события. Сара так и не научилась контролировать свои сны, она постоянно забывала о границе между реальностью и иллюзией, и потому ей даже в голову не пришло, что смерть сестры Роберта могла присниться. Ей не пришло в голову, что эту фантазию-обман могли спровоцировать его скорбь по кошке и рассказ об агрессивном граффити «Смерть сестрам». Во всяком случае, Сара плохо помнила их встречу на кухне: реальную встречу полностью подменил сон. Роберт наверняка был бы искренне тронут, узнай он, что Сара сидит в библиотеке, размышляя о нем и тревожась, не разрушит ли его жизнь безвременная кончина сестры. Но в тревогах не было особой нужды, ибо сам Роберт в это самое время лежал в ванне в Эшдауне, и самую большую его заботу составляла смутная неопределенность: где он будет ужинать.

Из грез Сару вырвал громкий стук. Кто-то грохнул о стол тремя книгами и теперь стоял над ней – взволнованно и чуточку самодовольно улыбаясь. То была Вероника, странная и дружелюбная девушка из кафе «Валладон».

– Я так и знала, что найду тебя здесь, – сказала она. – Вот, принесла кое-какие книжки, чтобы ты над ними подумала.

«Второй пол» Симоны де Бовуар, «Сексуальная политика» Кейт Миллетт и «Женщины Сада» Анджелы Картер [3 - Симона де Бовуар (1908–1986) – французская писательница, ее философская книга «Второй пол» о положении женщины в современном мире стала символом сексуальной революции 1960-х годов. Кейт Миллетт (р. 1934) – ее «Сексуальная политика» считается классикой феминизма. Анджела Картер (1940–1992) – английская писательница, «Женщины Сада» – книга эссе, посвященная маркизу де Саду.]. Две из них Сара уже читала.

– Полистай их, – предложила Вероника, – а потом давай поговорим. Большую часть времени я провожу в кафе, вторую половину дня уж точно.

– Спасибо, – пробормотала Сара. Она так удивилась, что не нашла что сказать.

– Пожалуйста, – ответила Вероника.

Она растворилась в сумраке между двумя книжными стеллажами, а у Сары в памяти отложилась ее длинная, гибкая спина.

* * *

Когда Роберт наконец покончил с бритьем, вода в ванне совсем остыла. Как обычно, самое нелюбимое место – шею и кадык – он оставил напоследок. Воду, мутную от мыла и грязи, теперь усеивали черные волосы. Он сполоснул под краном бритву, смывая последние волоски. За стенами Эшдауна взвыл ветер; Роберт глубже погрузился в остывшую воду, чтобы хоть немного защититься от лютого холода ванной комнаты, которая по какой-то нелепости была на том этаже самым большим и просторным помещением. Он еще раз задумчиво провел бритвой по щекам, затем высунул ногу из воды и с отвращением осмотрел ее тусклую, как у ершика для чистки курительной трубки, белизну. Голень и бедро были облеплены прямыми гладкими волосами. Задумавшись на мгновение, он поднес лезвие к участку над коленом и принялся скрести. Вскоре расчистилась небольшая площадка размером в два квадратных дюйма.

Поначалу бритье ног показалось ему занятием увлекательным, но вскоре превратилось в чисто механическую процедуру. Роберт больше не концентрировался на мягких скребущих движениях бритвы и праздно размышлял о том о сем. Сначала он думал о Мюриэл. На памяти Роберта в семье жило три кошки, но Мюриэл была его любимицей – самая ласковая и нежная из всех. И все же Роберта поразила и отчасти устыдила собственная реакция на известие о ее смерти. Он не сомневался, что Сара заметила его слезы. Должно быть, она теперь презирает его. Именно об этом неизменно твердил ему отец, когда он плакал: «Если в таком виде тебя увидит женщина, она станет тебя презирать. Женщины не любят слабых мужчин. Тебе требуется уважение. А плакс никто не уважает». Эти слова отчетливо звучали у него в голове – именно так с ним разговаривал отец: пренебрежительно и неумолимо.

Но, судя по всему, Сара его вовсе не презирала. Возможно, она ничего и не заметила; вероятно, ее слишком занимали собственные проблемы. Странная с ней случилась история – этот человек, оскорбивший ее на улице. Роберт надеялся, что происшествие больше не тревожит Сару. У нее такие милые глаза – металлического оттенка, голубые с серым. Странные глаза, в которых одновременно сквозят и душевность, и рассудочность.

Роберт пользовался безопасной бритвой, и боль, пронзившая икру, заставила его вздрогнуть от неожиданности. Порезался он довольно сильно: в воду побежала струйка крови. Вопреки ожиданиям, бритье ног оказалось вовсе не расслабляющей и приятной в своей бездумности процедурой – определенное внимание все-таки требовалось. Но все равно занятие приносило ему глубокое удовлетворение, какое-то ощущение правоты содеянного. Роберт никогда не видел смысла в волосатых ногах. Он спрашивал всех своих подружек, что они думают по этому поводу, и с изумлением слышал, что волосатые ноги очень привлекательны. Тем лучше, думал Роберт, но расценивал их тягу к волосатым ногам как некое извращение.

Он почти закончил с бритьем, остались только лодыжки, но с ними придется повозиться. Поэтому сначала лучше немного передохнуть. Роберт снова погрузился в серую воду, густо покрытую темными волосками, и некоторое время рассеянно разглядывал грязные, в трещинах кафельные плитки. Они напомнили ему о школьных душевых, что навеяло еще одно неприятное воспоминание: общие душевые, насмешки, сравнения украдкой...

Роберт провел в ванной больше часа – вполне достаточно, чтобы Сара вышла из библиотеки, села на автобус и добралась до Эшдауна, изнывая от желания поскорее вымыть голову. Дверь ванной не запиралась. Секрет заключался в том, чтобы подпереть ее изнутри вешалкой для полотенец, но Роберт, который только что въехал в Эшдаун, хитрости этой пока не знал. Вот почему Сара ворвалась в ванную, даже не постучавшись.

Все случилось в мгновение ока. Сара закричала от потрясения и стыда, а Роберт закричал от боли, поскольку как раз брил левую лодыжку, высоко вздернув ногу. Когда дверь распахнулась, рука его дрогнула и двойное лезвие вонзилось глубоко в ногу, лезвия дважды распороли кожу – под прямым углом друг к другу, оставив на всю жизнь двойной шрам, похожий на кавычки-елочки. На этот раз кровь потекла не просто струйкой – она забила струей и за какие-то секунды окрасила воду в землянично-розовый цвет. Сара испуганно и ошеломленно смотрела на Роберта, и на мгновение ему показалось, что она вот-вот бросится ему на помощь, но он сумел опередить ее криком:

– Все в порядке! Все в порядке! Я просто брился.

– Простите. Я зайду, когда вы закончите.

Сара шагнула к двери, но вдруг остановилась. Прикрыв глаза рукой, она смотрела в сторону.

- С вами правда все в порядке? Точно не нужна помощь? Тут есть аптечка.

- Спасибо. Все нормально. Позвольте я сам все улажу, хорошо?

Сара вышла из ванной, но в коридоре снова остановилась.

- Я думала, вы уехали домой, - произнесла она загадочно и исчезла.

Роберт не стал терять время, размышляя над ее словами. Он выбрался из ванны и остановил поток крови туалетной бумагой, затем туго перебинтовал ногу. С него капало, ему было холодно. Он вытерся маленьким ветхим полотенцем и заковылял к себе в комнату.

Сара пришла проведать Роберта, как только он закончил одеваться. Она вымыла голову и, не вытирая, зачесала волосы назад; сейчас они выглядели темнее, чем Роберту запомнилось, почти мышиного оттенка. Его почему-то это тронуло - он уже приближался к тому трепетному состоянию души, когда мельчайшая, обыденнейшая, но такая яркая деталь способна изменить все. Как бы то ни было, у Роберта стиснуло сердце, когда Сара села на кровать напротив письменного стола; ему даже показалось, что он на мгновение лишился дара речи. Даже дышать стало трудно.

- Все еще болит? - спросила она.

- О... немного. Все будет в порядке.

Роберт надеялся, она не станет спрашивать, зачем он вообще брил ноги.

- Я не хотела... простите, если доставила вам неприятности. Понимаете, обычно дверь прижимают вешалкой для полотенец.

- А-а. Хорошо. Я так и сделаю - в следующий раз.

Сара кивнула. Все шло не так, как она рассчитывала. Она не знала, как восстановить непринужденную и доверительную атмосферу предыдущего вечера.

- Вообще-то, - сказала она, - я просто хотела убедиться, что с вами все в порядке. Знаете, вчера вы выглядели довольно... расстроенным, и мне хотелось узнать, как вы держитесь.

- Держусь?

- Ну да. Вы, наверное, очень переживаете.

Подстегнутый любопытством, Роберт набрался смелости взглянуть на Сару - в ее голосе звучала искренняя и такая трепетная забота. Что происходит? Неужели она думает, будто он из тех людей, кто несколько дней стонает от горя из-за смерти кошки? Неужели он выглядит таким жалким? Не сумев определить, опекают его или над ним насмеются, Роберт осторожно сказал:

- Да ладно, на самом деле ничего страшного. Я уже пережил.

Как это по-мужски, подумала Сара, - притворяться, будто не потерял присутствия духа. Неужели мужчины действительно считают, что им нельзя показывать свои чувства, даже когда говорят о смерти близкого человека, а в данном случае, быть может, - самого близкого? Она видела его напряжение и тревогу; она понимала, как неуютно ему при мысли, что кто-то сумеет соскрести с него коросту бесчувственности и проступит подлинная в своей нежности натура. Но Сара также понимала, что молчать ей не стоит - и ради него, и ради себя.

- Когда я сказала, что думала, будто вы уехали, - продолжала она, - то имела в виду, что, наверное, скоро похороны.

- Похороны? - переспросил Роберт.

- Похороны... простите, я не помню ее имени...

- Вы имеете в виду Мюриэл?

– Да. Мюриэл.

Он пожал плечами, смущенно рассмеялся.

– Наверное, мы не станем устраивать вокруг этого столько шума. Это было бы уж чересчур, правда?

Сара, сбитая с толку, промямлила:

– Ну, как вы сочтете... нужным.

– Прежде мы никаких похорон не устраивали.

– А это случалось и раньше? – с ужасом спросила она.

– Да, дважды.

– О боже, Роберт, я просто не знаю, что сказать. Это ужасно. Подумать только, что жизнь может быть такой... суровой, а вы все-таки держитесь.

– Ну, честно говоря, смерть Мюриэл я переживаю особенно тяжело. – Роберт придвинулся к ней, потирая руки, грея их в пламени ее сочувствия. – Мне кажется, я был ей ближе всех.

– Да, могу себе представить.

Он позволил себе ностальгическую улыбку.

– Знаете, каждый вечер она приходила ко мне в комнату и сворачивалась рядом со мной на кровати. Я гладил ее по голове и... просто с ней разговаривал. Иногда несколько часов подряд.

– Так мило.

– В каком-то смысле, – теперь он уже неприкрыто смеялся, – в глупом смысле, она знала меня лучше, чем родители. И уж точно лучше, чем отец.

- Они меньше любили ее?

- Ну, не буду отрицать, отец так и не принял Мюриэл. - Роберт вздохнул. - Не сошлись характерами. Понимаете, ее мелкие привычки его раздражали.

- Какие привычки?

- Например, он не любил, когда она оставляла лужи на ковре в гостиной.

Сара не сразу переварила всю эту информацию. Перед ее мысленным взором складывалась новая картина: девочка-инвалид и семья, так и не примирившаяся с ней, так и не научившаяся считать девочку полноценным человеком. История оказалась мучительней и трагичней, чем она себе представляла. И тут прояснилось подлинное значение загадочных слов Роберта.

- Послушайте, Роберт, - осторожно сказала Сара. - Вы сказали, что похороны - это слишком... я все-таки думаю, что для вашей семьи было бы важно как-то отметить ее смерть.

- Я вчера вечером обсуждал с папой по телефону, - он скривился, - как обойтись с ней. Мне хотелось знать, нельзя ли устроить что-то вроде кремации.

- И?

- Он поднял меня на смех. Обозвал меня слюнтяем. Сказал, что просто выкопает за домом яму, а ее сунет в мусорный мешок. Как и поступил с двумя остальными.

Сара долго и внимательно смотрела на Роберта и затем произнесла, тщательно подбирая слова:

- Но вы считаете, что так нельзя. Вы знаете, что так нельзя.

Роберт кивнул:

- Да, да, знаю.

– Хорошо. – Сара поднялась с кровати и теперь стояла у двери. – Хорошо, Роберт, по-моему, наш разговор... слишком тягостный. Я, пожалуй, пойду к себе. Но я хочу, чтобы вы подумали над моими словами и помнили: как бы тяжело ни складывались обстоятельства в вашей семье, вы всегда можете обсудить их со мной. Я всегда рядом.

И перед тем, как за ней закрылась дверь, они впервые посмотрели друг другу прямо в глаза, и тогда что-то произошло – словно что-то на миг замкнулось, прежде чем Сара вышла из комнаты, с облегчением нырнув в сумрачное спокойствие коридора и подумав, что теперь может без помех отправиться к скалистому обрыву, навстречу осеннему ветру. Прислушиваясь к ее удаляющимся шагам, Роберт глубоко и неровно втягивал и выпускал воздух.

После этой беседы Роберт не видел Сару несколько дней – точнее, он, возможно, и видел ее в окно, когда она выходила из особняка или возвращалась; либо мимоходом замечал, как ее фигура скрывается за дверью комнаты или мелькает в Г-образной кухне, но ему ни разу не представилась возможность поговорить с Сарой, и он решил, что она намеренно его избегает. Однажды вечером, ближе к концу недели, Роберт все же подловил ее и прямо спросил об этом, и Сара призналась, что ее потрясло его поведение и особенно нежелание поехать домой после смерти сестры. Как только недоразумение разъяснилось, все стало очень просто. Едва Роберт понял, что случилось, он разразился хохотом, но Сара была слишком смущена, чтобы увидеть смешную сторону в происшедшем, а кроме того, ее встревожило еще одно свидетельство предательского характера ее снов. Она холодно извинилась и не сделала попытки продолжить разговор.

Но той же ночью, когда остальные студенты давно спали, Роберт выглянул в окно и увидел, что Сара стоит одна на залитой лунным светом террасе. Она смотрела во тьму, облокотившись на перила; похоже, рядом стоял бокал с белым вином. Роберт спустился по лестнице и вышел на террасу через высокие двустворчатые окна в гостиной; ржавые петли при этом неприятно скрипнули. Услышав скрип, Сара обернулась и послала Роберту ободряющую улыбку.

Они начали беседу на террасе и продолжили ее на кухне, и лишь в пятом часу утра наконец пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим комнатам. Вероятно, именно в ту ночь у Роберта состоялся самый продолжительный разговор в его жизни. Унылое молчание, которое всегда окружало Роберта дома (робкая почтительность матери и угрюмая немногословность отца), совершенно не подготовило его к столь многоречивому

и импульсивному обмену секретами. К тому времени, когда оба замолчали, он был пьян от слов, от взаимной исповеди у него кружилась голова. Казалось, они обсудили все и не скрыли друг от друга ничего. Вначале разговор шел о крахе отношений Сары и Грегори, потом они переключились на остальные темы – без разбору и ограничений: любовь, дружба, семья, гендерные перверсии; чем серьезнее и сложнее была тема, тем охотнее и подробнее они сообщали друг другу детали своей интимной жизни и потаенных чувств, и в конце концов Роберт осознал, что прежде и помыслить не мог о том, чтобы доверить Саре секреты, касающиеся его самого, его родителей, его домашней жизни, – секреты, которые он даже не думал

Стадия первая

4

думал, что в комнатах клиники Даддена есть что-то странное, и теперь понял, что именно – в них имелось все: платяные шкафы, раковины, туалетные столики, письменные столы, мягкие кресла и прочие необходимые атрибуты жилых помещений. В комнатах не было лишь одного – кроватей. Разумеется, в этом и крылся весь смысл. Ровно в 22:30 тринадцать пациентов, умывшись и переодевшись в пижамы, выходили из своих комнат и отправлялись спать в лабораторных условиях – в тринадцать маленьких, просто обставленных спален, к каждой из которых примыкала комната для наблюдений. Спальни-лаборатории занимали большую часть первого этажа. Так что в других комнатах кровати были попросту не нужны. И все же комната без кровати производила странное впечатление, он помнил, что на последнем курсе здесь жил Роберт, и во всем, кроме исчезнувшей кровати, она выглядела точно такой же. Даже мебель осталась та же, и все предметы стояли на тех же местах.

Терри удивило, что комнату Роберта он помнил лучше, чем его лицо. Он попытался вспомнить, когда в последний раз его видел, и плохо сфокусированный флэшбэк перенес его в серое субботнее утро их последнего лета: Роберт сидит на краю обрыва и разговаривает с Сарой, оба выглядят усталыми и изможденными. Двенадцать лет назад. После той субботы Роберт

исчез, канул – бесповоротно и недвусмысленно, и сейчас Терри вдруг осознал, что исчез Роберт весьма эффектно. Двенадцать лет назад он об этом не задумывался, поскольку тем летом был больше озабочен стартом собственной славной карьеры. Он припомнил, что Сара время от времени пыталась навести справки о Роберте. Впрочем, безуспешно.

Терри сел за письменный стол, лицом к морю, и открыл свой «Пауэрбук». Он еще не знал, о чем станет писать, но аккуратная основательность аппарата, его блестящая поверхность, изящные, даже сексуальные формы неизменно вдохновляли его и успокаивали. Терри достал из чемоданчика сетевой шнур и огляделся в поисках розетки. Она обнаружилась лишь за гардеробом, но хотя между розеткой и задней стенкой шкафа имелось достаточно места для стандартной трехконтактной вилки, массивный адаптер туда не проходил. Требовалось чуть сдвинуть шкаф – из тикового дерева и очень тяжелый. Терри навалился всем своим весом на боковую стенку и дюймов на шесть сдвинул шкаф вдоль стены; теперь розетка была свободна. Но помимо розетки доступно оказалось и кое-что еще. На стене виднелась какая-то надпись, которую прежде скрывал гардероб. Надпись и размазанное бурое пятно – примерно в трех футах над плинтусом. Два слова.

– Очаровательно, – вслух произнес Терри и тут же решил сообщить о находке доктору Даддену. Возможно, удастся войти к нему в доверие.

Он включил компьютер и принялся просматривать файлы, двигая колесико мыши влажным от пота и чуть подрагивающим пальцем. В тридцати с лишним папках содержалось более тысячи документов, но ни один из них не вдохновил Терри. Тогда он достал из кармана пиджака маленький органайзер, включил и принялся искать в разделе «Ежедневник». Он не заглядывал в записную книжку с начала «Синефона», и кое-что сразу привлекло внимание. Терри снова сунулся в карман пиджака, висевшего на кресле, достал мобильный телефон и нажал пару кнопок, вызывая из памяти номер. Трубку сняли почти сразу же.

– Алло, Стюарт? Это Терри... Не так плохо. Пока без пагубных последствий... Слушай, почему ты не поручил мне написать рецензию на новый фильм Кингсли? Он выходит в пятницу... Армстронг? Ты в своем уме или как? Он ничего о нем не знает. Ничего. Он вообще ни в чем не смыслит. В конце концов, я же не в чертовом отпуске. Сижу тут в какой-то Жопе-на-море, весь день валяю дурака и тупею от скуки. Я мог бы всю твою долбаную газету заполнить материалом... Кто его распространяет? «Фокс»? Так пусть пришлют мне кассету... Конечно, мог бы.

К какому сроку она тебе нужна?... Без проблем... Нет, я сам им позвоню. Уже сажусь... У него было достаточно перерывов. И перерывы ему больше не нужны. Талант ему нужен, а не перерывы... Нет, я сам позвоню. Я все улажу. Не волнуйся. Завтра днем... Нет, это ни к чему... Все очень просто: если я не перезвоню через полчаса, значит, они посылают мне кассету и я делаю рецензию. Дай полчаса, затем звони Армстронгу и скажи, пусть валит на хер... Да. Просто... Чао.

Терри возбужденно захлопнул крышку мобильного и поспешил вниз. В бывшей телевизионной теперь располагалась комната отдыха для пациентов. В углу по-прежнему стоял телевизор – большой цветной приемник с выключенным звуком, на экране какой-то панк в поварском колпаке кромсал овощи и что-то безмолвно бормотал, обращаясь к пустой комнате, – но Терри рассчитывал здесь найти вовсе не его. Он нетерпеливо прищелкнул языком и отправился искать кого-нибудь из персонала.

В одной из наблюдательных комнат он обнаружил лаборантку Лорну. На коленях у нее лежал планшет с листком бумаги, в руках – кружка с чаем, Лорна смотрела на телеэкран, стоявший на полке над полисомнографом. Она заметила в дверях Терри, бегло глянула на него и тут же снова уставилась на экран. Несколько секунд они вместе рассматривали картинку. На экране расплывчатым черно-белым пятном спала женщина в ночной рубашке, голова ее была утыкана электродами. Женщина не двигалась, камера тоже. Экран пару раз мигнул. Терри взглянул на Лорну, которая не отрывалась от экрана, затем снова посмотрел на изображение, но картинка так и не изменилась.

– Какая чушь, – сказал он наконец. – Не выношу я этот европейский артхаус. А вы?

Лорна слегка улыbnулась, взяла пульт дистанционного управления и нажала на «паузу».

– Вам не положено это смотреть, – сказала она. – Чего вы хотите?

– Не этот ли фильм сейчас переснимают в Голливуде с Тедом Дансоном и Голди Хоун?[4 - Тед Дансон (р. 1947) – американский комедийный киноактер, дважды удостоивался премии «Эмми». Голди Хоун (Голди Стэнденджхоун, р. 1945) – американская киноактриса, в основном – комедийного плана.]

- Вас искал доктор Дадден, - сообщила Лорна. - Всего несколько минут назад.

- Да, знаю. В одиннадцать я должен был с ним встретиться. Но правда - зачем вы это смотрите? Разве это такой уж секрет?

- Секрет, если я не хочу нарушить обязательство о неразглашении. - И, опровергая свои слова, Лорна, помешкав, указала на пачку перфорированных листов, испещренных линиями самописца. - Согласно этим данным, - сказала она, - сегодня утром в четыре тридцать семь имела место вспышка активности. Вот я и подумала, что смогу что-нибудь обнаружить на видеозаписи - уловить движения ног или что-то еще. Но ничего нет.

- А почему изображение черно-белое? Разве эта штука не воспроизводит в цвете?

Терри наклонился, чтобы получше разглядеть видеомагнитофон.

- Если нужно, то может.

- А как же звук? Куда звук делся?

- На боковой панели монитора есть ручка громкости.

- Значит, это обычный видеомагнитофон? И на нем можно прокручивать обычные кассеты?

- Надо полагать.

- И что, каждая спальня оборудована таким устройством?

- Да.

- А нельзя ли завтра утром воспользоваться одним из них?

- Ну, спальня номер три сейчас свободна, потому что один из пациентов не приехал. Формально говоря, тем магнитофоном сейчас не пользуются. Но очень

сомневаюсь, что доктор Дадден...

- В котором часу приносят почту? - спросил Терри.

- Примерно в девять тридцать.

- Превосходно. Это все, что я хотел знать. - Терри включил мобильник и, выходя из комнаты, уже набирал номер. - Спасибо, - сказал он, обернувшись в дверях. И, бросив последний взгляд на экран, произнес: - Позовите меня, когда начнется сцена с обнаженкой?

Терри позвонил в рекламный отдел видеокомпании и уговорил прислать ему копию фильма экспресс-почтой, после чего взглянул на часы и обнаружил, что уже на двадцать минут опаздывает на встречу с доктором Дадденом.

Взглянув на просунувшееся в дверь виноватое лицо пациента, Дадден снова погрузился в изучение машинописного текста у себя на столе, пробормотав:

- Входите, мистер Уорт, входите.

Когда Терри сел, доктор добавил (по-прежнему якобы погруженный в бумаги):

- Возможно, часы у меня спешат, но, по моим сведениям, сейчас одиннадцать двадцать три.

- Да, вы правы. Я опоздал.

Доктор Дадден наконец посмотрел на него:

- Понятно.

- Наверное, я проспал.

В ответ - пристальный взгляд. Терри стушевался и дал задний ход.

– Должно быть, вы каждый день выслушиваете подобные шутки, – беспомощно сказал он.

– Случается, – ответил доктор Дадден. – Моя коллега доктор Мэдисон верит, что юмор – превосходное лечебное средство. Возможно, нам стоит обсудить этот вопрос всем вместе.

Онемевший Терри смог только кивнуть.

– Итак. – Доктор Дадден собрал машинописные листы и сложил их в аккуратную стопку, затем придвинул к себе папку с именем Терри. – Вчера доктор Голдсмит провел ваше полное медицинское обследование. Никаких отклонений мы не обнаружили. Более того, доктор Голдсмит пришел к заключению, что у вас превосходное здоровье.

– Чудесно.

– Однако в его отчете я отметил пару примечательных особенностей. Например, вы утверждаете, что потребляете в день в среднем тридцать-сорок чашек кофе.

– Совершенно верно.

– После приезда сюда вы пили кофе?

– Нет. Судя по всему, здесь его нет.

– Пациенты пьют кофе только в экспериментальных целях: мы смотрим, как он влияет на характер сна. Значит, вы искали кофе?

– Да.

– И как вы чувствуете себя, после того как не пили кофе в течение последних... девятнадцати часов?

– Неуютно.

- Мне кажется, что тридцать-сорок чашек в день – многовато. Почему вы столько пьете?

- Чтобы не заснуть.

- Понятно. Весьма примечательная фраза. Мой опыт свидетельствует, что большинство страдающих инсомнией ищут способ заснуть, а не оставаться в бодрствующем состоянии. Из этого отчета следует, что вы не принимаете никаких медикаментов, чтобы избавиться от заболевания.

- Верно.

- И что, вы никогда не стремились получить медицинскую консультацию?

- Нет.

- На большинство людей бессонница действует угнетающе и в некоторых случаях оказывает разрушительное воздействие на организм. Вы ничего подобного не испытывали?

- Днем я часто чувствую усталость и сонливость. Именно поэтому пью кофе. Но больших неприятностей это мне не доставляет.

- Вам никогда не приходило в голову, что на самом деле у вас нет бессонницы?

- Не понимаю.

- На этой стадии диагностики, – пояснил доктор Дадден, – очень важно провести различие между психофизиологической и субъективной бессонницей.

- Субъективной?

- Да.

- Вы хотите сказать... что бессонница – плод моего воображения? Или что я притворяюсь? Симулирую?

– Это слово, при всем моем уважении к вам, не очень уместно. Мысль о том, что вы не можете заснуть, способна так же угнетать, как если бы вы действительно не могли заснуть. Подобные случаи не так уж редки. Сюда поступает немало пациентов, они проводят ночь в лаборатории и уверяют, что всю ночь не сомкнули глаз. А затем мне удается поколебать их уверенность, представив научные доказательства крепкого сна, который иногда длится шесть-семь часов.

– Наверное, вы получаете большое удовлетворение, – заметил Терри.

– Помощь людям всегда приносит мне удовлетворение, – сухо ответил доктор Дадден, протягивая руку к телефону. Он набрал местный номер. – Лорна? Вы не могли бы принести распечатку ЭЭГ мистера Уорта за прошлую ночь? – Он резко опустил трубку на рычаг и взглянул на Терри: – Как я понимаю, у вас сложилось впечатление, будто прошлой ночью вы не спали ни минуты. Сейчас моя помощница принесет данные, и мы сможем установить, что же было на самом деле. А пока... – Он вновь придвинул к себе медицинскую карту Терри. – Я хотел бы кое-что знать. Из того, что вы сообщили вчера доктору Голдсмиту, следует, что, по всей видимости, характер вашего сна претерпел кардинальные изменения примерно... двенадцать лет назад.

– Да, в восемьдесят четвертом.

– По вашим словам, до этого времени вы нередко спали по четырнадцать часов в сутки.

– Да.

– Вы тогда были студентом?

– Да.

– Студентом... этого университета, как я заметил.

– Верно. Как и вы.

Что-то ненадолго пробудилось в глазах доктора Даддена – внезапная настороженность, ясно дававшая понять: он не любит, когда пациенты

преподносят ему сюрпризы.

- Полагаю, эти сведения раскопали ваши помощники? – осведомился он.

- Нет, – ответил Терри. – Об этом прошлой ночью мне сообщила доктор Мэдисон.

- Понятно. Значит, вы познакомились с моей коллегой?

- Очень поверхностно. – Терри и доктор Дадден смотрели друг на друга, пытаясь понять, что прячется за улыбкой другого. – Более того, я жил в этом самом доме. Несколько месяцев.

- Я тоже, – сказал доктор Дадден. – Я жил здесь два года.

- Интересное совпадение. Но мы ни разу не пересеклись.

- По-моему, нет. Иначе...

- Иначе мы наверняка бы вспомнили друг друга.

- Именно.

- Я знал девушку, – сказал Терри, – по имени Сара Тюдор. Она одно время встречалась с парнем по имени Грегори. Вас ведь зовут Грегори?

- Да.

- Да. Понимаете, доктор Мэдисон сказала мне прошлой...

- ...ночью. Разумеется. Во время вашего поверхностного знакомства.

- Да.

- Сейчас, дайте подумать... – Доктор Дадден откинулся на спинку стула и закатил глаза к потолку, слишком демонстративно изображая, что вспоминает. – Теперь, когда вы назвали имя, я действительно припоминаю девушку по имени

Сара. Полагаю, мы время от времени виделись с ней. Но вряд ли можно сказать, что мы, по вашему выражению, встречались.

- Доктор Мэдисон считает, что она, возможно, страдала нарколепсией.

- Доктор Мэдисон тоже ее знала?

Теперь настороженность превратилась в некое подобие паники.

- Нет, разумеется, нет. Просто вчера вечером я упомянул, что эта девушка, Сара, видела очень яркие...

Разговор прервался стуком в дверь, и появилась Лорна с пачкой компьютерных распечаток. Казалось, доктор Дадден был обрадован, что их отвлекли.

- Прекрасно, прекрасно. Именно это мне и нужно. Спокойная деловитость. Все работает как часы. Лорна, вы просто сокровище. Вы знакомы с Лорной, мистер Уорт? Вас представили нашей главной лаборантке и оператору полисомнографа?

- Нет, не представили. - Терри встал и пожал Лорне руку: - Приятно познакомиться.

Лорна в замешательстве смотрела на него.

- Но вы же всего несколько минут назад со мной разговаривали. По поводу видеомэгнитофона. - Заметив, что ее все еще не узнают, она добавила: - А вчера вечером я укладывала вас спать. И подключала к вам электроды.

Терри рассмеялся.

- Ну да. Конечно.

Доктор Дадден, нарушив тягостное молчание, забрал у Лорны бумаги и отпустил ее. Когда дверь закрылась, он спросил, всегда ли у Терри столь плохая память на лица.

- Не знаю. Никогда об этом не задумывался.

- То есть вы никогда этого не замечали?

- Наверное, я встречаю не так уж много новых людей.

- Мне казалось, что характер вашей работы подразумевает постоянные встречи с новыми людьми.

- Ну да, наверное, так оно и есть, но обычно больше мы не пересекаемся. Так что проблемы не возникает.

- Но проблема существует?

- Нет, не думаю. - Впервые доктор Дадден заметил смущение на лице Терри. - Знаете, я очень устал. Я девятнадцать часов не пил кофе. Неудивительно, что я никого не узнаю.

- Вы предпочитаете кофе сну?

- Я уже вам говорил, я не сплю. Никогда не сплю. Я не сплю уже много лет.

- Ну, давайте посмотрим. - Доктор Дадден взглянул на записку, где подводился краткий итог наблюдений, которую Лорна положила поверх бумаг, затем порывисто, но внимательно просмотрел сами бумаги. Они были испещрены неровными разноцветными линиями, и, судя по хмыканью, данные доктора удивили. - Имеется длительный промежуток времени, где записи отсутствуют, - сказал он в одном месте.

- Да. Мне надоело, поэтому я отсоединил электроды и вышел из комнаты.

- Надеюсь, под присмотром, - сказал доктор Дадден, но, к счастью, не стал дожидаться ответа. - Так, - он отложил бумаги и быстро записал себе что-то для памяти, - похоже, что прошлой ночью ваше субъективное ощущение вас не обмануло. Вы не спали. Вопреки нашим ожиданиям, быстрый сон не наступил. Нет даже первой стадии. Более того, даже полудремы. Должен сказать, это совершенно поразительно, если учитывать испытание, которому вы подверглись

во время просмотра фильмов.

- Я же вам говорил, - сказал Терри. - Я не сплю.

- Все спят, мистер Уорт. Надеюсь, вы не станете уверять меня, сейчас или позже, что вы не спали все последние двенадцать лет.

- Почти не спал, - сказал Терри. - Хотя, как вы говорите, возможно, мне так казалось. Или снилось, или не знаю что. Бывает же, что людям снится, будто они не могут заснуть?

- Разумеется. Постоянно. Но в вашем случае такое предположение выглядит маловероятным. Давайте проверим некоторые пункты, которые вы обсуждали с доктором Голдсмитом. Вы алкоголик?

- Насколько я знаю, нет.

- Согласно указанным данным, ваша ежедневная норма алкоголя весьма велика. Но осмелюсь предположить, что причина ваших неприятностей кроется вовсе не в этом. О пристрастии к кофеину мы уже говорили... Я вижу, что у вас нет аллергии... У вас не бывает по ночам неприятных ощущений в ногах? Не возникает желания шевелить нижними конечностями?

- Нет.

- Вы не храпите?

- Откуда мне знать?

- Могла жаловаться ваша партнерша по сну.

- У меня нет партнерши.

- Хм. А как насчет депрессии? Вы не относите себя к депрессивному типу?

– В общем, нет. Если у меня и была депрессия, то раньше, в студенческие годы, и тогда мне хотелось только одного – спать.

– У вас нет какой-нибудь гипотезы, почему вам хотелось тогда спать?

– Пожалуй, во сне я чувствовал себя более счастливым, чем наяву. Мне тогда снились очень приятные сны.

– А... – Доктор Дадден записал его слова. – Очень интересно. И что вам снилось?

– Не знаю. Я никогда не мог запомнить снов.

– Тогда откуда вам известно, что сны были приятными?

– Просто... оставалось ощущение. Когда я просыпался.

– Хм. А потом все это прекратилось? В восемьдесят четвертом?

– Да.

– Может, вы мне расскажете о том периоде своей жизни?

– Ну... – Терри заерзал на стуле, словно эта тема была ему неприятна, но на губах появилась едва заметная ностальгическая улыбка. – Я окончил университет и через несколько недель получил работу журналиста, а вскоре со мной случился... пожалуй, самое подходящее слово – кризис.

– Какого рода кризис?

– Я ликвидировал один журнал. Собственноручно.

– И как вам это удалось?

– Это был журнал о кино, и в нем опубликовали статью, которую я должен был проверить. К сожалению, я допустил определенные... неточности. К еще большему сожалению, оказалось, что эти неточности очень смахивают на

клевету. На журнал было подано семь исков по обвинению в клевете.

- Семь.

- Да. Не могу вспомнить всех персонажей, но среди них точно были Деннис Тэтчер, Норман Уиздом, Вера Линн...

- Понятно.

- ...Клифф Ричард, Кингсли Эмис, Эдвард Хит...[5 - Деннис Тэтчер (1915–2003) – муж бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер; Норман Уиздом (1915–2010) – английский комик, прославившийся исполнением роли мистера Питкина в знаменитых комедиях; Вера Линн (р. 1917) – британская певица, чрезвычайно популярная в годы Второй мировой войны; Клифф Ричард (р. 1940) – известный британский поп-певец, один из первых британцев, ставших исполнять рок-н-ролл; Кингсли Эмис (1922–1995) – английский писатель, один из лидеров поколения «рассерженных молодых людей»; Эдвард Хит (1916–2005) – британский политик-консерватор, в 1970–1974 гг. был премьер-министром.]

- Автор умудрился в одной статье оклеветать всех этих людей?

- Да, вследствие моей небрежности. Точнее... – Довольная улыбка расплзлась по лицу Терри. – Наверное, это был несчастный случай. Просто-напросто не повезло. В этом-то и вся прелесть.

Убедившись, что Терри не намерен вдаваться в подробности, доктор Дадден спросил:

- Полагаю, вы лишились работы?

- Именно с тех пор я сделался независимым журналистом. Я собирался написать книгу. Об одном режиссере – малоизвестном режиссере, о нем практически ничего не писали, а также... о других вопросах. Теоретических. В каком-то смысле – книгу об утрате. Об идее утраты.

- Но вы ее так и не закончили?

– Я ее так и не начал. Мне приходилось очень много работать, чтобы прокормиться... Большой частью я работал до полуночи и, к собственному удивлению, вскоре понял, что к концу дня чувствую себя не таким уж усталым. Поэтому я не ложился спать, а всю ночь бодрствовал. Смотрел видео. С этого все и началось.

– Итак, вы готовы согласиться, – сказал доктор Дадден, – что фильмы заменили вам сновидения, которые некогда были...

Тут на столе запищал маленький будильник. Доктор Дадден отложил карандаш и с коротким вздохом разочарования закрыл папку.

– Боюсь, это все, – сказал он.

– Что?

– Время вышло. Одиннадцать сорок две, а на одиннадцать сорок пять у меня назначена другая встреча.

– Но мы только подошли к самому интересному.

– У нас все расписано по минутам, мистер Уорт. Если бы вы не опоздали на двадцать три минуты, мы продвинулись бы значительно дальше. А так придется ждать до утра.

– Но ведь у нас есть еще три минуты.

– Нет. Во время первой беседы мы оставляем время для ответа на несколько вопросов практического характера. Например... – Дадден замолчал, лицо его стало непроницаемым. Посидев секунду-другую с рассеянным взглядом, он внезапно принялся шарить в одном из ящиков стола и наконец достал лист бумаги. – Ах да. Забавно, но я никогда не могу их запомнить. – Он зачитал по листку: – Как вы устроились в клинике?

– Спасибо, очень хорошо, – ответил Терри, с изумлением глядя на доктора.

– Проявлял ли персонал учтивость и услужливость?

– Несомненно. – Терри решил воздержаться от замечания, что сам доктор Дадден пока не проявил ни того ни другого.

– Является ли ваша дневная комната чистой и уютной?

Только тут Терри замешкался.

– Уютной – да, – наконец ответил он.

Он позволил себе сполна насладиться страхом, нараставшим в глазах доктора Даддена, и лишь потом рассказал о надписи на стене.

* * *

– Псст!

Доктор Мэдисон остановилась и огляделась. Она не поняла, откуда исходит голос.

– Псст! – прозвучало вновь.

Из-за соседней двери высунулся палец, поманил ее и быстро исчез. Повинуясь пальцу, доктор Мэдисон проследовала в комнату номер девять, где обнаружила доктора Даддена – тот ждал ее с белым от ярости лицом (впрочем, ярость одолевала доктора не так уж редко), но поза его выдавала сконфуженное волнение.

– С-сюда! – прошипел доктор Дадден.

Доктор Мэдисон подошла к гардеробу.

– Взгляните, – сказал он. – Вы только взгляните на это.

И доктор Дадден ткнул в надпись – на стене чернилами было выведено два слова: ТУПОЙ МУДАК. Рядом темнело обширное пятно бурого цвета.

- Обнаружил мистер Уорт, - продолжил доктор Дадден. - Проклятый журналист, черт бы его побрал. Не правда ли, характерно? Характерно, что нам так везет?

- Почему до сих пор никто не видел эту надпись?

- Она была за шкафом.

- А зачем мистеру Уорту понадобилось двигать шкаф?

Доктор Дадден оставил вопрос без ответа:

- Я понимаю, доктор, что вы не хотите этого слышать, но данный факт подтверждает мою точку зрения. Именно по этой причине мы должны тщательно... подбирать пациентов. Вот что бывает, когда вы открываете двери всякой швали.

- Вы, случаем, - уточнила доктор Мэдисон, - не пациентов Национальной службы здравоохранения имеете в виду?

- Не думаю, что нужны объяснения, - ответил доктор Дадден. - Возьмем, к примеру, эту женщину из вашей группы. Из Брикстона[6 - Район в Лондоне, основная достопримечательность которого - тюрьма.]. Не хочу выглядеть снобом, но... чего можно ждать от таких, как она? Ни происхождения, ни положения...

- Эта комната - не Марии Грэнджер.

- Я не конкретно ее имел в виду, я говорю об общем принципе. - Он пристальней взгляделся в бурое пятно на стене и поморщился. - Что за человек, - сказал он, - что за ублюдок размазал по стене свои экскременты?

- Человек с нарушенной психикой, надо полагать. Человек, которому мы призваны помочь. - Мэдисон скользнула по пятну взглядом. - К тому же я думаю, что это, скорее всего, кровь.

– Надо срочно найти мистера Уорта, – сказал Дадден. – Он ни в коем случае не должен упоминать об этом в своей статье. Мы должны удержать его любым путем.

– Я уверена, что у мистера Уорта нет ни малейшего намерения...

– Поговорите с уборщицами, и немедленно. Пусть устроят надпись.

После ухода Даддена доктор Мэдисон на несколько минут задержалась в комнате номер девять, разглядывая надпись и пятно, и то ли от гнева, вызванного бесчувственностью коллеги, то ли из сострадания к несчастному существу, испытывшему невыразимую потребность осквернить комнату, глаза ее наполнились слезами, и доктор Мэдисон неожиданно для себя поняла, что в приступе сильнейшего раздражения трет стену рукавом. Тоже своего рода припадок безумия.

* * *

Несколько недель назад, – писал Терри, – мне довелось услышать один из тех разговоров, что часто заходят на званных обедах, – кто является «величайшим» режиссером из снимающих сегодня. Разговор вели два критика: первый принадлежал к старой школе и ратовал за ветерана кинематографа португальца Мануэла ди Оливейру, второй же, изображавший из себя кого-то вроде младотурка, размахивал знаменем с неизменным Квентином Тарантино.

Этот разговор напоминал... что же он напоминал? Да, как будто на пустыре играют в футбол две команды слепцов, которым никто не удосужился сообщить, что ворота сняли еще несколько лет назад.

По-настоящему жаль мне было сторонника Тарантино. Точка зрения его оппонента хотя бы отличалась последовательностью, пусть и старомодной. Тогда как турок (возможно, памятуя о младоконсерваторах[7 - Термин, который вошел в обиход в период правления Рональда Рейгана. Так называли членов его команды, придерживавшихся крайне консервативных взглядов.], следует ввести для таких субъектов неологизм: старотурок), казалось, не сознавал, сколь жалко выглядят его доводы: мол, Тарантино «вдохнул жизнь» в штампы фильмов категории Б и тем самым достиг определенной (да-да, он действительно

употребил это слово) «оригинальности». Кажется, помоги ему господь, в один особенно отчаянный момент он даже помянул все постмодернизм.

Читатель, я не смог найти в себе силы и добить этих двух несчастных, чтобы не мучились. Молчаливое сочувствие показалось мне единственно уместной реакцией на то, как два утомленных донкихота гонятся за призраком оригинальности современного кинематографа. У меня для них есть совет, если только им доведется читать эту статью: пусть поскорее посмотрят фильм Джо Кингсли «Два сапога пара – 4» (детям в сопровождении взрослых) и на его примере научатся всему, чему могут научиться.

Терри просмотрел статистику и обнаружил, что уже израсходовал треть места, отведенного под рецензию. Нельзя сказать, чтобы его это встревожило, – он всегда получал удовольствие от теоретических рассуждений. И все же пора заняться и самим фильмом.

Кингсли, бесспорно, мастер штампов. В этой области Тарантино, в сравнении с ним, – неумелый любитель, поскольку Кингсли никогда не впадает в неогуманистскую фикцию, будто в старые условности можно вдохнуть новую жизнь. Сериал «Два сапога пара» – сам по себе штамп (главные герои – два копанарника, полные противоположности друг другу), доведенный до логического конца. В третьей серии, поставленной экс-британцем Кевином Вилмутом, допущена фундаментальная ошибка: он попытался оживить действие романтическим подтекстом и побочной сюжетной линией, связанной с политикой. Сказался опыт работы Вилмута со слишком литературным материалом на Би-би-си. К счастью, в компании «Фокс» нашелся разумный человек, который вернул Кингсли бразды правления. Сериал «Два сапога пара» дал толчок всей карьере Кингсли и стал визитной карточкой его собственного стиля.

Триста тридцать слов. Что дальше? – подумал Терри. Кратко изложить сюжет? Но никакого сюжета нет. Обсудить игру актеров? Но актеры не играют, а совершают телодвижения. Оценить качество диалогов? Но диалоги – в точности как в предыдущих фильмах. По правде говоря, фильм едва царапнул сознание Терри. Как только привезли утреннюю почту, Терри взял кассету и отправился в наблюдательную комнату, примыкающую к спальне номер три. Лорна показала ему, как управлять видеомэгнитофоном. Выходные данные на кассете извещали, что фильм длится девяносто семь минут, но так много времени Терри не понадобилось. Он внимательно прочел начальные титры, насладился первой

сценой (продолжительная перестрелка, привлекая нескольких пациентов, которые пришли выяснить, что за шум), затем перемотал кассету вперед, пропустив первую пояснительную сцену, а также все диалоги, длившиеся более тридцати секунд; попутно Терри поздравил себя с тем, что смотрит фильм именно так, как и рассчитывали его создатели, изначально целившие на видеорынок.

Было бы большой натяжкой, – писал Терри, переместив стул в тень (солнце, отражавшееся от мерцающего океана, слепило экран ноутбука), – утверждать, будто «Два сапога пара – 4» безупречен. Хулители Кингсли, чьи некомпетентные суждения, надеюсь, ничего для него не значат, любят утверждать, что его фильмы напоминают видеоклипы, растянутые на девяносто минут. В действительности это высший комплимент, который он не вполне заслужил. В фильме есть несколько провалов, изредка проявляется склонность к затягиванию: я замерил длительность нескольких кадров, взятых наугад, и с удивлением отметил, что многие длятся более шести секунд. Но и по истечении пятнадцати минут просмотра фильма критику все еще не на что жаловаться: я высоко оцениваю непочтительность фильма, его радостное презрение к зрителям, заразную ненависть к политической или какой-либо другой корректности, его хулиганскую энергию. Энергию, которая, кстати (если вернуться к нашим дуэлянтам на званом обеде), в наши дни является единственно доступной для кинематографистов. Безумная, маниакальная энергия быка в конце схватки, смертельно раненного, но все равно бросающегося вперед, ведомого лишь болью, яростью и бессмысленной волей к жизни. Таково состояние – смертельное, но безумное, «задыхающееся, но все-таки еще живое»[8 - Цитата из песни Стивена Моррисси и группы The Smiths.] – американского кинематографа в эти закатные дни двадцатого столетия. И Кингсли – его мастер.

На монитор легла тень, и Терри поднял голову. Доктор Дадден, бесшумно появившись на террасе, терпеливо ждал, когда Терри прервется.

– Пару слов, мистер Уорт. Только пару слов. Я вовсе не хочу отрывать вас от дел.

– Ничего страшного, – сказал Терри, щурясь от солнечного света.

– Смею ли я надеяться... смеем ли мы надеяться, смеем ли мы все надеяться, что это черновой набросок, первые пробные шаги вашей статьи?

– Моей статьи?

– О том, чем мы здесь занимаемся.

– А-а. – Терри об этом даже не думал. Более того, он еще не решил, настолько ли интересна эта клиника, чтобы посвятить ей отдельную статью. – Нет, на эту тему я пока размышляю.

– А... Все еще составляете план. – Доктор Дадден выдавил принужденную улыбку, в которой профессиональная неискренность соперничала с отчаянным желанием снискать расположение. – Когда вы к ней приступите... разумеется, я далек от того, чтобы диктовать вам или даже пытаться хоть как-то влиять... но когда вы все-таки приступите к статье, я очень надеюсь, что небольшое... отклонение от безупречности в вашей комнате не умерит и никоим образом...

– Отклонение от безупречности? – переспросил Терри.

– Я говорю о том злосчастном... э-э... граффити, на которое вы столь любезно, столь предусмотрительно...

– Ах вот вы о чем. – Терри столь же льстиво улыбнулся. – Понимаете, я могу писать только о том, что вижу, воспринимаю вещи такими, как они выглядят, поэтому, так сказать...

– Хм. – Доктор Дадден бледно улыбнулся в ответ. – Как мне кажется, мы друга понимаем. – Терри не поддержал и не опроверг это утверждение, и доктор повернулся, чтобы уйти, но замешкался и выдавил: – Кстати, у нас хорошая новость.

– Да?

– Судя по вашей ЭЭГ, вчера произошел небольшой прорыв.

– В каком смысле?

– Вы вошли в первую стадию сна. На двенадцать минут, примерно в три часа ночи.

- Это случилось впервые.

- С тех пор как вы находитесь под моим наблюдением, да. Как я сказал - небольшой прорыв. Естественно, я не могу поставить это себе в заслугу. Пока я еще не приступал к вашему лечению. - Дадден подождал (напрасно) восторга со стороны Терри, затем добавил: - Я подумал, вы захотите об этом узнать.

Доктор Дадден скрылся в доме. Терри перечитал последние строки рецензии, и внезапно ему захотелось только одного - закончить статью как можно скорее. Этот разговор о прорыве почему-то встревожил его - он вдруг обнаружил, что ему трудно сосредоточиться, трудно достичь той вовлеченности, что вдохновляла его весь последний абзац. Снедаемый нетерпением и скукой, Терри решил не напрягаться и завершить статью явным штампом, рассчитывая, что читатель воспримет его как шуточную демонстрацию главной идеи рецензии.

Не могу не выставить фильму наивысшие оценки, - написал он. - Это смехота, это буйство, это освежающий порыв спертого воздуха. Короче говоря: удовольствие для всей семьи.

Затем он вставил пустую страницу и напечатал счет.

За рецензию на «Два сапога пара - 4»

590 слов, 1 фунт за слово = 590 фунтов 0 пенсов

Плюс НДС 17,5 % = 103 фунта 25 пенсов

Итого: 693 фунта 25 пенсов

От цифр Терри отвлек шум открывшегося где-то вверху окна. Он повернулся, вытянул шею и понял, что знает это окно. В той комнате он собирался снова побывать, как только представится шанс, - в длинной низкой мансарде на четвертом этаже, где он некогда жил и откуда имелся выход прямо на крышу. Кто-то распахнул окно, но Терри не видел кто. Через секунду из окна то ли что-то вылетело, то ли выбросилось. В первый момент Терри подумал, что это чайка,

затем – голубь: белое порхающее пятно на фоне идеальной полуденной голубизны неба. Но если и птица, то она разучилась летать: после недолгого скольжения в воздушных потоках начала падать пологой, сжимающейся спиралью. Когда предмет подлетел ближе, Терри узнал бумажный самолетик, – тот на секунду завис у него над головой, потом резко ушел вбок и полетел в сторону моря; описав идеальный полукруг, самолетик снова нацелился на Терри, прямо ему в грудь; наконец, потеряв скорость, нырнул вниз и, проехавшись по клавиатуре, словно то была посадочная полоса, изящно замер у Терри на коленях.

Окно захлопнулось. Терри встал, держа в руке самолетик, прикрыл глаза от солнца и попытался разглядеть фигуру за бликующим стеклом. Но было слишком поздно.

Он разгладил лист бумаги и прочел криво написанное послание: СПРОСИ ЕГО О СТИВЕНЕ УЭББЕ.

5

Долгие ночные беседы с Сарой произвели на Роберта глубочайшее впечатление. С нежностью вспоминая о том, с каким участием она его слушала, о ее тихом гурманском голосе, когда она рассказывала ему о сокровенном, Роберт неизменно впадал в романтическую кому, из которой, казалось, ему уже не выйти. В ожидании Сары он слонялся по кухне, прятался в коридоре у двери ее комнаты, заглядывал по вечерам в телевизионную, то и дело совершал прогулки вдоль обрыва – в час, когда, по его предположениям, у нее заканчивались занятия; при этом он старательно репетировал радость нежданной встречи. Он покупал ей подарки и почти сразу же выкидывал, считая негодными и недостойными ее; он ежечасно причесывался и брился по два раза на дню (в том числе и ноги, хотя их он брил не ради Сары). Но большую часть дня Роберт просто сидел у себя в комнате в полном безделье и невидяще смотрел на стену; его разум превратился в киноэкран, на котором крутили самые мучительные сцены: вот он гладит ее волосы, вот впервые робко берет ее за руку, вот проводит губами по безупречному изгибу ее уха, вот целует нежный пушок у нее на шее. Много дней Роберт убеждал себя, что во время следующей встречи любовь внезапно и стихийно прорвется неудержимым излиянием чувств.

Имелась, однако, одна сложность. Сара, судя по всему, исчезла. Никто из обитателей дома не помнил, чтобы она появлялась в последнее время, а по словам миссис Шарп, жены зрителя, ее постель всю минувшую неделю оставалась нетронутой.

Когда утекло восемь дней, Роберт понял, что больше не выдержит, нужно наконец выйти из дому и поискать Сару в студгородке. Но полтора часа утомительных поисков в библиотеке, Центре искусств и здании студенческого союза не дали ровным счетом ничего, и тогда он сел на автобус до города и отправился в единственное место, куда может забрести студент ненастным субботним утром, – в кафе «Валладон». Там Роберт обнаружил лишь одного посетителя, своего старого приятеля Терри, – тот сидел в углу, раскидав по столу черновики реферата.

Человек, впервые заглянувший в кафе «Валладон», наивно предполагал увидеть нечто поистине французское и изысканное – сплошь *cafe noir* и *rain au chocolat*[9 - Черный кофе, булочка в шоколаде (фр.)]. Но вместо французской изысканности видел сосновые столы и скамьи, старые молочные бутылки в потеках свечного воска, стены, украшенные старинными навигационными инструментами, да многочисленные ряды книг, купленных на развалах букинистов. Еще посетитель обнаруживал толстые и малосъедобные овсяные лепешки, куски грубого хлеба с ломтями чеддера или жареной ветчины, огромные кружки с черным кофе и сладким фруктовым чаем. Больше всего кафе «Валладон» смахивало на сумрачную пещеру. За стойкой сидел Слаттери, который не спешил обслужить нового посетителя, пока не дочитает фразу в очередном философском трактате. Надо заметить, обычно в кафе протекала куда более напряженная светская и интеллектуальная жизнь, чем та, которую олицетворял сейчас Терри, тощий и бледный студент с серьезным лицом, будущий специалист по кинематографу. При появлении Роберта он поднял взгляд и обозначил приветствие, дернув вверх на три четверти пустой кружкой и пробормотав: «Тебе того же?» После чего вернулся к созерцанию своих бумаг.

В этом семестре Роберт не часто виделся с Терри и, вернувшись к его столику с полной кружкой, обратил внимание, что выглядит приятель еще болезненней и бледней обычного. Глаза у Терри опухли, он маниакально покрывал строчками листы бумаги, каждые двадцать-тридцать секунд прерываясь на гигантский зевок, отчего вся его жизнедеятельность на мгновение приостанавливалась. Терри, как стало известно Роберту за два года их знакомства, не выносил солнечного света и чувствовал себя комфортно только в трех местах: в кино, в

кафе «Валладон» (постоянный полумрак которого полностью его устраивал) и в своей собственной плотно зашторенной комнате, где он проводил большую часть времени, поскольку, как утверждал Терри, на сон ему требовалось не меньше четырнадцати часов, а иначе он не человек. Дело не в том, что сон приносил Терри расслабление, и не в том, что отдых являлся его главной целью. Для Терри процесс сна, по сути, представлял собой еженощное путешествие, и именно этим, возможно, объяснялся его голодный и изможденный взгляд. Ибо Терри одолевали сны – сны, по его утверждениям, воистину райской красоты: залитые солнцем сады, чудесные пейзажи, божественные пикники и волшебные коитусы на лоне природы. В этих сновидениях каким-то образом сочетались восторг физиологии и безгрешная невинность. Терри посещали сны, которые можно было поставить в один ряд с самыми чистыми и идеализированными детскими воспоминаниями, а по изощренности они превосходили выдумки самого изобретательного, умелого и усердного фантаста. И сны эти посещали его каждую ночь. Каждую ночь они соблазняли и мучили Терри – это, по крайней мере, ему было известно. Но в то же время он никогда не мог сообщить никаких подробностей, ибо сновидения каждое утро ускользали из его памяти – в те несколько роковых секунд, которые требовались, чтобы полностью прийти в сознание. Эти сны были для Терри чем-то вроде наркотика – самой существенной, самой важной, самой ценной частью его жизни, именно поэтому он спал по четырнадцать часов в сутки – чтобы его спящий разум гонялся за ускользающими сновидениями. Но его бесило, что он запоминает только самые дразнящие фрагменты, а потому не может никому рассказать о своих снах или утешиться воспоминанием о них. Правда, время от времени крошечные обрывки и клочки вдруг всплывали на поверхность, и тогда он лихорадочно записывал их на всем, что попадалось под руку, так что нередко конспекты лекций – скажем, о роли женских персонажей в *film noir*

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дух времени (нем.).

2

Телесериал (1979–1993) компании Си-би-эс, созданный на основе одной из сюжетных линий «Далласа». – Здесь и далее примеч. перев.

3

Симона де Бовуар (1908–1986) – французская писательница, ее философская книга «Второй пол» о положении женщины в современном мире стала символом сексуальной революции 1960-х годов. Кейт Миллетт (р. 1934) – ее «Сексуальная политика» считается классикой феминизма. Андже́ла Картер (1940–1992) – английская писательница, «Женщины Сада» – книга эссе, посвященная маркизу де Саду.

4

Тед Дансон (р. 1947) – американский комедийный киноактер, дважды удостоивался премии «Эмми». Голди Хоун (Голди Стэнденджхоун, р. 1945) – американская киноактриса, в основном – комедийного плана.

5

Деннис Тэтчер (1915–2003) – муж бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер; Норман Уиздом (1915–2010) – английский комик, прославившийся исполнением роли мистера Питкина в знаменитых комедиях; Вера Линн (р. 1917) – британская певица, чрезвычайно популярная в годы Второй мировой войны; Клифф Ричард (р. 1940) – известный британский поп-певец, один из первых британцев, ставших исполнять рок-н-ролл; Кингсли Эмис (1922–1995) – английский писатель, один из лидеров поколения «рассерженных молодых людей»; Эдвард Хит (1916–2005) – британский политик-консерватор, в 1970–1974 гг. был премьер-министром.

6

Район в Лондоне, основная достопримечательность которого – тюрьма.

7

Термин, который вошел в обиход в период правления Рональда Рейгана. Так называли членов его команды, придерживавшихся крайне консервативных взглядов.

8

Цитата из песни Стивена Моррисси и группы The Smiths.

9

Черный кофе, булочка в шоколаде (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhonatan-kou/dom-sna>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)